

Сергей Баунт

ВОИНЫ

Зорн

Annotation

Все началось с того, что на старой космической шхуне вольного торговца вышел из строя двигатель. Пришлось совершить аварийную посадку на ледяном плато мертвой планеты. То, что торговцы случайно обнаружили под слоем льда, ожило, и над существованием Звездной Империи, да и всех цивилизованных миров, нависла угроза порабощения. Все так бы и произошло, если бы на пути космических завоевателей не встал Сергей Кротов – рядовой солдат Советской армии, волею случая попавший с Афганской войны в Приграничье. Но и здесь, в космосе, ему пришлось заниматься тем, что он очень не любил, но умел делать лучше всего – воевать...

Сергей Баунт

Воин: Зорн

© Сергей Баунт, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Чернота космоса разделилась на отдельные сгустки. Несколько миллионов гигантских яиц застыли в вакууме. На их круглых боках не отражались звезды. И даже сполохи близкого газового гиганта поглощались нереальной чернотой тел Повелителей Звезд. Последний обмен информацией, и, казалось, космос вскипел – все корабли-тела прыгнули одновременно. Пришло время умереть, а значит, надо найти новую жизнь. Надо передать росткам накопленное знание, как когда-то другие передали им.

Гигантскими прыжками разлетаясь по вселенной, каждый стремился в назначенный район, чтобы ждать. Возможно, именно ему повезет, и он увидит новых живых, которые тоже, со временем, поймут главное – вся красота вселенной ничего не стоит, если её некому оценить!

* * *

Сергей приходил в себя медленно, словно выплывая из липкой мути. Сначала он понял, что он есть. Потом понемногу начал ощущать свое тело. Все мышцы болели, словно накануне перекидал в одиночку вагон кирпича. «Где это я? – Кротов, не открывая глаз, безуспешно попробовал пошевелиться: Что со мной?» – События предыдущего дня начали неясно проступать из пелены забытья. «Вертолет подбили. Духи. Потом... Черт!!!» – он чуть не закричал. Теперь он вспомнил все!

Детство, класса до четвёртого, он помнил отрывками. Да и потом особенно ярко вспоминались драки. Почему-то так получалось, что он участвовал в каждой потасовке, происходившей рядом, а частенько был зачинщиком. Ещё когда он был совсем сопливым пацанёнком, взрослые ребята отправляли его начинать драку.

Первый раз это случилось, когда ему было лет восемь. Приехавшие из соседней деревни парни группой шатались по их посёлку, нагло поглядывая на собиравшихся у автобусной остановки местных и обсмеивая проходивших мимо девушек. Всем было ясно, что они приехали драться. Однако, чтобы начать, должен быть выполнен определённый ритуал – первым надо сойтись один на один. Желających быть первыми не находилось.

Сергей помнил, как в животе сладко похолодело, голова стала ясной, а люди вокруг словно замедлились. Неведомая сила выдернула его из толпы малолеток, собравшихся поглазеть на драку. Не соображая, что делает, он кинулся на ближайшего верзилу в брюках клёш с подшитыми снизу цепочками. Сергей успел ударить его куда-то в область живота, когда опешивший противник схватил его и попытался откинуть в сторону. Однако Сергей вывернулся и пнул верзилу по коленке.

– А-а, сучонок! – заорал парень и врезал зарвавшемуся малолетке по уху.

– Пацаненка бьют! – услышал, падая, Сергей и увидел кинувшихся друг на друга парней.

Из той драки он вышел с цепочкой от брюк и огромным синяком под глазом.

Когда его сверстники были еще только зрителями, он участвовал во всех драках с приезжими или улица на улицу. Во время потасовки Сергей чувствовал себя как рыба в воде. Шестым чувством понимая, где надо быть в это время и как бить. В школе он передрался со

всеми, кто не боялся этого. В конце концов, с ним никто больше не хотел связываться.

Страсть к дракам была его единственным отличием от сверстников. В стенах школы он был обычным учеником.

Он любил потусоваться с девчонками, пережил пару лёгких влюблённостей, благополучно избежав серьёзного чувства. В институт Сергей не поступил, но не сильно переживал по этому поводу.

Пришло время, и он, как большинство его сверстников, надел шинель. В армии его страсть разгорелась вовсю. Он начал драться еще в военкомате и продолжал в учебке. Обиженные солдатики из южных землячеств обещали забить его до инвалидности. Такое уже бывало.

Но все изменила война. Страна оказывала братскую помощь народу Афганистана. На войне его природный талант оказался очень востребованным. Первого своего настоящего врага Сергей убил голыми руками.

Попал он в пехоту – в миномётную батарею. Однажды в горах, после изнурительного марша с разобранными миномётами на спине, его и ещё несколько наиболее выносливых поставили первыми в караул.

Вечер был тёплый, короткие южные сумерки ещё не превратились в ночь. Сергей знал, что скоро станет холодно. В горах свой климат. Он выбрал место между камней, у подножия ржаво-красной скалы. Сложив бушлат, поудобней устроился на нем и огляделся. Место было выбрано удачно. Выше пройти без специального оборудования никто не сможет – голая скала. Склон ниже хорошо просматривался до следующего поста. Паренек там уже устроился. Видно его не было, но чуть торчал из-за камня пламегаситель «калашникова». Хотя, если специально не присматриваться, вряд ли заметишь.

Не нравились Сергею здоровенные камни, разбросанные по всему склону, за ними можно было спрятать целое отделение. Но тут уже ничего не поделаешь – гор без валунов не бывает.

Сергей зевнул – после тяжелого дня неплохо было бы минут шестьсот вздремнуть – и краем глаза заметил движение между камней. Он затаил дыхание – показалось или нет. Смахнув слезу, стал пристально вглядываться в то место, где заметил движение. «Черт! Вон он!»

Человек в тёмной одежде, скользя от камня к камню, перебежками продвигался в сторону соседнего поста.

Похоже, солдатик, сидевший там, задремал. Он был тоже молодой, одного призыва с Сергеем. Торчавший автомат давно был неподвижен. Сергей немного растерялся. Стрелять или не стрелять?

Вдруг то же чувство, что когда-то в детстве безрассудно толкнуло его в драку против заведомо сильного противника, снова заставило его действовать. Тихонько отложив автомат, он аккуратно снял ремень и, стараясь быть как можно тише, пополз, обходя «духа» со спины. Подобраться вплотную не удалось, афганец заметил его метрах в пяти от себя и рванул из-за спины автомат. Выстрелить он не успел.

В два прыжка преодолев оставшиеся метры, Сергей отработанным в десятках драк ударом свалил худого афганца на камни. Автомат откатился в сторону. Резко вскочив, душман ощерился разбитым в кровь ртом и выдернул из-за пазухи кривой кинжал.

Сергей уклонился от мелькнувшего перед лицом клинка и нанес мощный удар кулаком

правой руки в висок противника. Тот рухнул. Сергей со всей силы пнул сапогом по руке с ножом. Нож отлетел в сторону, афганец же продолжал лежать в той же неудобной, неживой позе. Чутьем Сергей понял, что человек в свободной темно-зеленой одежде, лежавший сейчас перед ним, больше никогда не поднимется.

Командир батареи, прибежавший на пост вместе с тревожной группой, удивленно разглядывал новичка:

– Ну, ты, воин, даешь! Кулаками захлестнул «духа»! Про автомат забыл, что ли?

Сергей и сам не мог понять, почему он полез на врага с голыми руками. Но долго заморачиваться не стал. Завалил, так завалил. Хорошо то, что хорошо кончается. Все получилось слишком быстро, и большого потрясения от первого убийства он не испытал.

Потрясение он испытал через два дня, когда раздолбали из минометов караван душманов и несколько солдат, в том числе и Сергей, под командованием командира первого взвода, старлея Бурганова, были посланы посмотреть, что там осталось от «духов». Мешанина из тел людей, животных, вещей и оружия выглядела страшно и отвратительно. Особенно запомнились непонятно откуда взявшиеся мухи, облепившие разорванные тела. Один осёл еще хрипел и скреб передними ногами, бешено кося побелевшими глазами на разорванное брюхо, над которым вилась туча мух. Бурганов передернул затвор «калашникова» и короткой очередью добил беднягу.

Так Сергей впервые увидел настоящее лицо войны. Отвернувшись от страшного зрелища, он прикрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул. Гарь тротила и пороха, сладковатый запах крови и вонь паленых тряпок – вот чем пахла война.

По возвращении на базу солдата вызвали в штаб. Там уже сидел командир роты, командир минометной батареи и незнакомый капитан. Командир батальона майор Глотов – здоровый как шкаф – поманил Сергея пальцем.

– Ну, боец, расскажи как ты «духов» голыми руками валишь! – засмеялся он, но слушать ничего не стал.

– В общем, чего мусолить. Ты, Петрович, – он посмотрел на капитана, – как договаривались, забирай хлопца в свой взвод, а ты садись, пиши отчет об операции, – кивнул головой комбату, – и давайте валите отсюда, у меня дел по горло!

– Тебя, рядовой, представим к награде.

– Служу Советскому Союзу!

Так Сергей оказался в разведвзводе. Командир разведчиков, капитан со смешной, совсем не военной фамилией – Филипок, мужиком был суровым и немногословным.

– Рядовой Кротов!

– Я! – Сергей вытянулся, поправляя хебешку под ремнем.

– Стрелять умеешь?

– Так точно!

– Ни хрена ты не умеешь!

– Олзоев!

На зов капитана из палатки выскочил небольшого роста солдат явно азиатского вида. По тому, как залихватски солдат изобразил, как будто отдает честь, и даже не подумал застегнуть воротничок с белейшей подшивкой, Сергей понял – дембель.

– Вот тебе, хитрый бурят, ученик. Чтобы через неделю стрелял как ты! Иначе хрен уволишься!

Посчитав, что сделал все что надо, капитан ушел.

– Ну что, воин, ты попал. Уволиться из рядов Советской армии я должен в любом случае, так что через неделю будешь белке в глаз попадать.

Уволился «лучший стрелок» Коля Олзоев только через месяц. По независящим ни от него, ни от Сергея, и даже ни от капитана Филипка причинам. Война есть война.

Весь месяц, с перерывами на разведываемые, бурят учил Кротова всему, что знал сам. Стрелял Сергей и раньше неплохо. Заложенные на стрельбище в учебке навыки помогли ему освоить СВД. Опыта он набирался в реальных боевых действиях. Теперь, кроме автомата, за спиной у него висела снайперка в самодельном брезентовом чехле, сшитом умелыми руками снайпера. Кроме этого, уходя, Олзоев передал, как он выразился, по наследству, сшитую из автоматных подсумков, брезента и парашютных строп, разгрузку.

– Бери и радуйся, воин. Сам шил. Она лучше будет, чем китайская или пояс А. Посмотри, сколько там карманов. Даже под ПБС есть. И ВОГи можно таскать.

Уже почти полгода Сергей Кротов «исполнял интернациональный долг». Как известно, человек привыкает ко всему. Война стала его жизнью со своими небольшими радостями и большими потерями.

Наступила весна. Май. Дембеля считали дни до отлета в Союз, остающиеся с завистью прикидывали, сколько им выходов осталось до счастливого дня, а война распоряжалась по-своему.

В начале мая, во время выполнения обычного задания, все с самого начала пошло не так. Взвод должен был проверить данные авиаразведки. На снимках, сделанных с СУ-24, было что-то похожее на базу моджахедов. Надо было скрытно выдвинуться в заданный район и на месте определить, что там такое. Далее действовать по обстановке. Выдвигаться предполагалось на бронетехнике, пока возможно, потом пешком.

В последний момент все переиграли, группу решили закидывать «вертушкой». Пришлось срочно развешивать броню и перегружать вещи в вертолет. Все делалось в спешке, солдаты матерились, перекидывая боезапас, сухпай и оружие. Наконец все погрузились, «летун» закрыл дверь, и вертолет, накренившись, оторвался от земли. Лететь надо было долго, больше часа. Сергей прикрыл глаза и провалился в сон.

– Кончай ночевать! – кто-то дернул его за разгрузку. – Подлетаем!

В это время вертолет вдруг резко накренился, так что вещи поехали к кабине пилотов.

– Твою медь! Вы что, охренели там?! – заорал Сергей. Другие тоже что-то орали, но все перекрывалось наглым свистящим гулом вертолета, выполнявшим какой-то, похоже, самолетный маневр.

Молдованин – сержант Рейляну, прилипший к иллюминатору, беззвучно кричал, показывая пальцем в стекло. Кротов тоже кинулся к окну. На склоне горы, по высоте почти напротив вертолета, билась, сверкала красивая яркая звездочка. «Пулемет! Крупнокалиберный! – сообразил Сергей. – «Сварка» хренова!»

Перекрывая рев двигателя, раздался удар, словно по днищу вертолета с размаху врезали металлическим прутком. Две дыры появились одновременно. В полу и в борту чуть выше иллюминатора. Сложился и упал, дико закричав, капитан Филипок. У него вырвало кусок из тела. Весь борт, где находилась вторая дыра, был забросан красными мясными ошметками и залит кровью.

Вертолет стремительно снижался, почти падал. Вдруг вертушку начало раскручивать. Видимо, попадание нарушило работу хвостового винта. «Теперь точно кранты! – билась в голове мысль. – Беснадега!» Сергей вжался в ребристый пол. Противное ощущение собственного бессилия, невозможности повлиять на ситуацию отравляло душу.

– Не хочу! Не хочу! – истошно вопил кто-то.

Вертолет с размаху хлестануло о землю, ключьями разрывая дюраль и сминая обшивку, словно бумагу. Сергея швырнуло вдоль салона, хорошенько приложило спиной – и он потерял сознание. Он уже не видел и не чувствовал, как его тело, похожее на тряпичную куклу, вылетело из салона в распахнувшуюся рампу и, пролетев метров шесть по воздуху, покатилося, замедляясь, по склону.

Сознание плыло. Сергей никак не мог сфокусироваться и ощутить себя целиком. Пытаясь напрячься, он снова провалился в темноту.

Очнувшись второй раз, Кротов начал ощущать свое тело. Он лежал на животе, лицо упиралось в землю. Во рту было полно песка. Все болело. Еще не открывая глаз, он попробовал пошевелиться. Руки двигались, ноги тоже. Кое-как разлепив веки, Сергей повернул голову. Все расплывалось. Потребовалось усилие, чтобы сфокусировать взгляд. Невдалеке чадила искореженная туша вертолета. Людей не видно.

«Надо вставать, – стучало в висках. – Скоро припрутся духи». Он перевернулся на спину и, сдерживая стон, попытался сесть. Зафиксировав тело в вертикальном положении, опять огляделся. Похоже, после удара вертолет еще и взорвался. Эта груда металла ничем уже не напоминала родную вертушку. «Неужели одному повезло?» – безразлично подумал он.

Собирая по частям свое тело, Кротов поднялся на ноги. Застегнутая разгрузка осталась на нем, а вот хебешку каким-то неведомым образом содрало с тела и выдернуло из-под разгрузки. Только руки остались в рукавах. Сергей стер с лица кровь, разделся, правильно натянул форму и прошелся по карманам.

Спички в целлофановом пакете оказались на месте. Складной нож с одним лезвием тоже не вылетел. Больше ничего не было. Зато во все карманы набралось песка.

Сергей пошел к вертолету, уже догадываясь, что там увидит. Обгоревшие, изорванные тела заплелись с кусками железа. Невозможно было разобрать, все ли тут.

Он обошел вертолет. Со стороны кабины, метрах в пяти от вертушки, лежал труп летчика. Видимо, выбросило взрывом через остекление кабины. Перевернув мертвого, Сергей проверил его карманы, стараясь не смотреть на разбитое посиневшее лицо. Тут ему повезло. В кобуре под кожанкой нашелся «макаров» и две обоймы к нему. Больше ничего: ни документов, ни карты.

Все, надо линять отсюда. Душманы уже должны быть недалеко. Кротов еще раз оглядел место крушения. Да-а, повезло одному. Хотя повезло ли? Ни еды, ни воды, ни оружия, ни карты. В горах, в окружении духов. Хотел сплюнуть, но во рту было сухо.

Он поплелся к замеченному выше скоплению камней. Пройдя несколько шагов, остановился. Какой-то предмет впереди явно выбивался из общего ржаво-серо-черного фона и был странно знаком. Сергей заспешил вперед.

Снайперка! Он упал на колени, осмотрел оружие. Все в порядке. «Черт, патронов нет. Только те, что в магазине. Ладно, десять штук тоже неплохо. Если что, хоть несколько душманов с собой заберу». Контуженый, он не вспомнил про запасной магазин в разгрузке на спине.

Увидел он их, уже почти поднявшись к намеченным валунам. Они шли не скрываясь. Из-за линии склона одна за другой появлялись фигурки с оружием. «Метров восемьсот», – автоматически определил солдат.

Кротов упал на землю, но было уже поздно. Его заметили. Фигурки остановились, сбились в кучу, замахали руками. Через мгновение, развернувшись в цепь, двинулись вверх по склону в сторону камней.

«Опытные, суки», – Сергей кинулся к камням. Забыв о боли в спине, он ящерицей прополз между валунов, выбирая позицию поудобнее.

Растолкав небольшие камни, Кротов улегся между двух вросших в землю каменных истуканов. Положив перед собой камень с ложбинкой, пристроил на него СВД. Несколько раз глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться.

Душманы шли в полный рост, нисколько не опасаясь его. «Совсем обнаглели. Похоже, не заметили винтовку. А может, обкуренные», – мысли прыгали с одного на другое, а руки отработанными движениями готовили оружие к бою. Приложив приклад к плечу, подрегулировал прицел и провел снайперкой по вражеской цепи.

Фигурки, казавшиеся издали куклами, приближенные оптикой, сразу превратились в живых людей. «Пока живых, – усмехнулся Сергей. – Тринадцать. Чертова дюжина. Пусть еще чуть подтянутся, чтобы наверняка. Эх, жаль патронов маловато». Он уже начал свыкаться с мыслью, что жизнь его закончится здесь и сейчас. Ну не сейчас, а, скажем, через полчаса.

Понятно, что пропавший вертолет обязательно будут искать, но, учитывая расстояние, вертушки тут появятся только через несколько часов.

Не давая себе расслабиться, он отбросил эту мысль и поймал в перекрестье вырвавшегося вперед душмана. Тот как будто почувствовал взгляд, остановился и заозирался, крутя бородатой головой. Отдача больно ударила в плечо. В тот же момент бородатого отбросило назад, и Сергей повел винтовку дальше, ловя новую цель. Он не видел, как упавший выгнулся и затих, выставив в небо черную бороду.

Услышав выстрел, наступавшие на миг замерли. Этого хватило, чтобы еще один моджахед завалился, хрипя пробитым легким. Тактика врага мгновенно изменилась.

«Духи» упали на землю и дали в сторону Сергея несколько очередей из своих АК. На таком расстоянии это было не опасно. Они еще не определили, где точно сидит снайпер, и стали расползаться, пытаясь с флангов обойти Кротова. Немного погодя «духи» сообразили, что враг один. Поэтому действовали не торопясь.

Сергей выцепил еще одного ползущего. В этот раз выстрел был не смертельным. Немного полежав, раненый пополз вниз, пытаясь уйти с линии огня. «Черт с ним! – плюнул Кротов. – Может, сам сдохнет».

– Последний патрон, последний, последний... – шептал Сергей пересохшими губами, даже не замечая этого. Еще двоих он успокоил навсегда, это было ясно по тому, что их тела после выстрелов больше ни разу не шевельнулись.

Один, схватившись за плечо и болтая повисшей правой рукой, пригибаясь, убежал за склон. Больше Сергей его не видел. Теперь из десяти патронов у него остался один. Три выстрела цели не достигли.

Кротов опять осмотрел в прицел склон, лежавший перед ним. Никого. Или они лежат где-то в ложбинках и не двигаются, или уползли далеко в стороны и сейчас обходят его, чтобы подняться выше и атаковать уже оттуда. Скорее второе.

Сергей со вздохом посмотрел на пистолет, который заранее положил под правую руку.

«Блин, помирать неохота, – констатировал он, ни на что не надеясь. – Где же они?» – Кротов приподнялся.

В тот же момент по камням зацокали пули. Очереди раздались сразу с двух сторон. Теперь он оказался в ловушке. Залегшие на флангах не дадут ему подняться. Остальные в это время подбираются поближе. Стоит кому-нибудь подобраться на бросок гранаты, и с ним покончено. «Не знают они, что у меня патронам конец. Давно бы навалились».

Валуны, стенкой прикрывавшие его со спины, дававшие ощущение защищенности, послужили прикрытием и для душманов. В напряженной тишине Сергей расслышал их осторожные шаги. «Обошли. Шайтан, как быстро. А может, там по верху, еще духи шли».

Тихонько, стараясь не приподниматься, он стал переворачиваться на спину. Сбоку опять ударил автомат. Брызнули осколки камня. Инстинктивно дернув рукой и пытаясь закрыться от секущих камешков, он услышал, как, уже не скрываясь, что-то крича по-своему, душманы побежали к нему.

Не обращая внимания на выстрелы, он схватил пистолет и, резко разворачиваясь, вскочил на ноги. Первый моджахед был уже метрах в десяти от камней. Сзади и чуть в стороне бежали двое, еще двое набегали с другой стороны. «Не стреляют. Живьем что – ли хотят? – мелькнула страшная мысль. – Вот вам!» Сергей выбросил вперед руку и несколько раз выстрелил в набегавшего врага. Не попал.

«Все! Поздно!» – Сергей вскинул пистолет к виску, но нажать на курок не успел. Из облаков, с ревом и грохотом, вывалилась вертушка и стремительно спикировала прямо на бородатых.

– Наши!!! – заорал Кротов и прыгнул навстречу душману. Тот опешил при виде вертолета. Подныривая под автомат, зажатым в руке пистолетом он ударил противника прямо в промежность. От страшной боли «дух» выронил «калашников» и упал на колени.

Подхватив автомат душмана, Сергей передернул затвор и дал очередь вслед убежавшим врагам. Пнув на всякий случай, скорчившегося моджахеда, Кротов поднял голову на ревущий над головой вертолет.

– Что за...! – удивленно выругался Сергей. Таких вертушек он никогда не видел.

«Наверное, это из тех штучек, что испытывают здесь на войне». – Слухов о всяких секретных образцах оружия он наслушался еще в учебке. Может, в других обстоятельствах это вызвало бы интерес, но сейчас было не до праздного любопытства. Врезав прикладом по затылку пытавшегося подняться врага, солдат никак не мог решиться пристрелить шевелившегося у ног человека.

«Какого черта он не садится? – Сергей уже решил оставить все как есть и не добивать полуживого афганца. – Они дотянут. Сейчас духи очухаются и вдарят по вертолету».

– Вы чё там телитесь! – заорал Кротов. – Садитесь!

Словно кто-то мог его услышать.

Абсолютно черный, без опознавательных знаков, вертолет завис метрах в ста над землей. Он рыскал как игрушечная лодочка в весеннем ручье, заваливаясь то на борта, то на нос, то на корму. Собственно, вертолетом Кротов назвал этот аппарат чисто по инерции.

«Ну и штукенцию сделали! А может, не наш, может, американцы? – запоздало испугался он. – «Стингеры» же присылают, может и это тоже...»

Как Сергей и предполагал, афганцы залегли и открыли огонь по «вертолету». Автоматные очереди явно не наносили машине никакого вреда.

«Вряд ли духи перли с собой «стингер, «или «стрелу», – подумал он – и взглянул. Снизу, из-за среза горы, откуда появились афганцы – оставляя дымный след – метнулось к «вертолету» хвостатое пламя.

«Конец вертушке!» – ошарашенный внезапной потерей надежды Сергей опустил руки.

Взрыв был неожиданно красивым. В грохоте вспух дымно-пламенный шар, и весь странный летательный аппарат окутался свечением, сменившим за миллисекунды все цвета видимого спектра. Сергей ожидал, что сейчас «вертолет» начнет падать, разваливаясь на части. Но все пошло по-другому. Видимых повреждений «вертолет» не получил. «Вот это броня!» – удивился Кротов и тут же с досадой выматерился. Что-то все-таки произошло. Вертушка начала падать, все больше заваливаясь на нос. Победно заголосили где-то за камнями невидимые «духи». У самой земли «летун» выровнялся и плавно опустился на склон метрах в пятидесяти от позиции Кротова. При этом между землей и аппаратом остался просвет.

Сергей глянул мельком на все еще оглушенного душмана и, окончательно решив не добивать его, рванул к странной вертушке, не забыв подхватить верную «снайперку». На бегу он рассматривал это летающее «чудо» и не переставал удивляться.

Скорее это напоминало самолет, а не вертолет. Во – первых, не было несущего винта. Сзади два сопла, как у истребителя, над ними два косо срезанных разваленных хвоста. При этом все: приплюснутое остроносое тело «птицы» с выступающими короткими крыльями; зализанные обтекаемые непонятные выступы; сферические башенки, с короткими толстыми стволами и какая-то хищная нацеленность – все говорило о том, что это боевая машина. Машина разрушения. «Наверное, самолет с вертикальным взлетом, – решил Кротов и прикинул размер: – Больше вертолета раза в три».

В это время прямо перед подбегающим солдатом в борту раскрылся проем метра два шириной и такой же высоты. Из него выдвинулся трап и лег на грунт. Кротов прибавил скорости и ворвался в синий маскировочный свет раскрывшегося перед ним помещения. Сразу же за бортом он упал и, отбросив снайперку, перекатился к краю люка. Выставив трофейный автомат, Сергей огляделся. Никто его не преследовал.

– Полетели! Подобьют на хрен! – заорал Сергей, не оборачиваясь. Душманы продолжали стрелять, пытаясь попасть в щель закрывавшегося люка. «Вертолетчики» как будто слышали его крик. Машина, резко задирая нос и с ходу набирая скорость, пошла на взлет. Как только закрылся люк, вокруг стало так тихо, как никогда не бывает в самолете, а уж тем более в вертолете. Кротов встал и изумленно огляделся. Он находился внутри небольшой камеры. Стены и потолок светились теперь ровным белым светом. «Как в больнице, – подумал Сергей. – А где дверь?» В этот момент стена напротив люка лопнула и оттуда шагнула фигура в черной форме и в шлеме, закрытом блестящим черным стеклом.

– Мотоциклист хренов! – засмеялся Кротов. От пережитого – когда он уже совсем попрощался с жизнью и, вдруг, неожиданное спасение – губы сами собой растягивались в глупой счастливой улыбке.

– Спасибо, земляк! – он протянул руку для пожатия. Черный, не отвечая, поднял руку и коснулся плеча Кротова. В кулаке что-то блеснуло.

– Ты-то, что делаешь? Я свой! – захрипел Сергей, пытаясь устоять на ногах. Несколько секунд он боролся с болью, сковывавшей тело, потом автомат выпал из его рук, и он медленно опустился на пол. Опять попытался встать и завалился на спину. Сознание покинуло его.

Гронберг оторвался от экрана обзорных камер и устало откинулся на спинку пилотского кресла. То, сколько времени человек сопротивлялся действию парализатора – удивляло. Еще перед прибытием на Землю Гронберг изучил строение тела землян – никакого отличия от других гуманоидных рас – следовательно, природной защиты от действия парализатора у них нет. На одной воле держался! Это еще раз подтверждало, что его план может сработать. Надо проверить тело землянина на отсутствие имплантатов. По всем данным эта планета была отсталым миром с убогой технологией, и до вживления чипов им еще очень далеко. Но проверить не помешает.

Командир взвода разведки (такой была легенда на этот раз) имперской пехоты Глемас Гронберг всего достиг сам. Рожденный на одной из старых планет внутренней зоны Империи, он имел полное право на обеспеченную спокойную жизнь. Многие поколения его родственников оплатили это право своим трудом, а некоторые и своей жизнью.

Когда-то планета Грон находилась совсем не во внутренней зоне, а как раз наоборот – на самой что ни есть границе. Но это было так давно. Только в исторических хрониках сохранились описания многочисленных войн – сначала внутренних, потом межпланетных. За века границы Империи расширились настолько, что войны, постоянно идущие в периферийных мирах, теперь казались жителям Грона чем-то нереальным. Некоторые гронцы просто не верили новостям о победах и поражениях имперских армий. Как можно было верить сообщениям о массовых убийствах и огромных разрушениях, вымираниях целых планет от голода и болезней, когда уже несколько поколений даже синяки получали только на ритуальных поединках во время празднования совершеннолетия.

Про то, что можно умереть от голода, здесь – на планете изобилия – казалось вообще просто выдумкой. Медицина была способна справиться с любой известной болезнью и почти любой травмой. Но хотя срок жизни вырос в разы, гронцы старели и умирали, как и века назад.

У Гронбергов было свое поместье. По местным меркам – средненькое, такое же, как и десятки вокруг, ухоженное за сотни лет. Маленький Глемас носился среди пышных цветущих деревьев боа. Когда на них созревали ярко-красные шишкоягоды, он первым умудрялся попробовать их. От кисловатого сока первых плодов кожу вокруг губ сначала саднило, а потом она начинала шелушиться и облезать. Тогда мать или бабушка ловили его и тащили в медицинскую комнату. Медмашина быстро приводила все в порядок.

Но, вырвавшись из-под опеки, он опять лез на деревья или прыгал с разбегу в фамильный священный пруд, распугивая мелких зубастых ящеров, выползавших из воды греться под лучами желтой звезды. Темными ночами, накинув на себя лежавшую на диване в первой гостиной шкуру терпса, он, завывая, носился по замку и пугал мать и сестер. Или, забравшись на кухню, вбивал в кухонную установку такой рецепт, что на ужине вся семья – после первой ложки – с выпученными, полными слез, глазами, забыв про бокалы, пила прямо из столовых фонтанчиков.

В общем, для Грона он был очень не стандартным ребенком. Степенный отец терпел выходки маленького Глемаса, привычно повторяя:

– Подрастет – остепенится.

Однако время шло, а мальчишка, вытянувшийся в худого жилистого юнца, никак не желал взрослеть.

Окончив курс домашнего обучения и получив все обязательные знания, он, после долгих обсуждений в семейном кругу, был отдан на обучение в Школу Мастеров при наместнике Императора на Гроне. Как ни упрашивал он отца отдать его в закрытую Школу Космических Мастеров, тот даже и слышать об этом не желал.

– Ты не какой-нибудь нищий с северного полушария! Ты не должен работать ради Куска Праздничной Лепешки! – важно изрекал отец. – У Гронбергов достаточно средств, чтобы ты мог жить, как положено наследнику великого дома!

Отец Глемаса, как и все окрестные феодалы, был упрям и заносчив. Свою жизнь в родовом замке: с ежевечерним подсчетом доходов и расходов; с семейными пирами на оба гронских праздника; с редкими приездами гостей-родственников и еще более редкими выездами в гости к родне – он считал единственно правильной. Смотря по головизору что-нибудь о жизни в других концах Империи, отец лишь брезгливо ронял: «Дикари, что с них возьмешь?»

Гордясь древностью своего рода, старший Гронберг не понимал жалоб сына на скуку и однообразие патриархальной деревенской жизни. Само собой разумеющимся считалось, что сын – окончив престижную Школу и подняв свой статус – вернется в поместье и постепенно заменит отца в управлении хозяйством.

В учебном заведении, считавшемся лучшим на Гроне, обучение было совсем не главным. Главное было получить красивый разноцветный диплом об окончании. Во всяком случае – для отца. Чтобы можно было подвести гостя к висящему на стене в кабинете – словно заслуженный трофей – диплому и, оторвавшись от бокала, как бы между прочим, сказать:

– Мой-то, наследничек, смотри, какую штуку привез из столицы!

Потом, пряча гордость, выслушать похвалы гостей.

Так бы все и двигалось по наезженной колее. После учебы, дав несколько лет пожить холостым, ему бы выбрали жену; потом дети, необременительные заботы по хозяйству, где все давно налажено и отлажено; и, главное, ни на йоту не отступить от неписаного кодекса поведения дворянина – не запятнать свою честь леностью, ложью и нежеланием заботиться о благе семьи; в общем, та жизнь, которую только и должен прожить настоящий гронский аристократ.

Но вмешался «его величество случай» – как оказалось – хорошо подготовленный.

Этот канал Глемас нашел случайно. Подростком, переключаясь среди сотен каналов головизора, он зацепился за одну передачу. Рассказывали о космосе: о расах, его населяющих; о бесконечном разнообразии миров; о дикой красоте планет, покрытых бесконечным ковром буйной растительности; или, наоборот, о совершенстве выверенных точных линий урбанистического пейзажа развитых цивилизаций. Рассказывали совсем не так, как в домашней школьной комнате, где всегда подчеркивалось превосходство мира Грона. Почему-то после лекций знаменитых преподавателей, общавшихся из своих родовых замков со своими учениками по всей планете, Глемас прекрасно понимал, что нет и не может быть жизни лучше, чем на родном Гроне.

Даже на столичную планету Империи – блистательную Цессию – нужно было только полюбоваться. Настоящая жизнь – в родовом гнезде. А на этом канале рассказывали о приключениях ради приключений, а не для пользы семьи.

Эта передача вымыла первую песчинку из незыблемого фундамента уверенности в

превосходстве гронского образа жизни. После каждого нового включения канала – всем остальным в семье он не понравился – мальчик все больше влюблялся в жизнь космических бродяг и авантюристов, а чуть позже – в боевую романтику космических рейнджеров и армейских разведчиков Империи.

Он стал мечтать вырваться с Грона. Сейчас он прекрасно знал, что это за канал, какая организация его финансирует и какими методами эта организация влияет на психику отобранных детей, подталкивая их к нужному выбору. Все передачи были подобраны индивидуально для него, так же как и для любого другого мальчишки с любой другой планеты империи.

В имперском Министерстве разведки и общественной безопасности (МРОБ) строго следовали провозглашенному, еще первым лорд-директором, принципу индивидуального подхода к любому кандидату на любую должность.

Диплом об окончании столичной академии, находящейся под патронажем наместника, Глемас все-таки получил, хотя настоящая его учеба проходила за стенами совсем другой школы. Лишь несколько лиц из аппарата наместника знали, кто и чему учит молодого человека из провинции в небольшом мрачном замке на окраине столицы.

Первый год обучения в престижной школе, тянувшийся как целое десятилетие, закончился. Мгновенно пролетели каникулы в родном доме, и Гронберг опять летел в Ангрен – столицу Грона. Взрослея, он становился все более одиноким. Сверстники в школе, узнав о его увлечении, отнеслись к этому как к какому-то извращению, и вокруг него тотчас возник невидимый барьер.

Приезжая домой, он, в угоду родителям, делал вид, что забыл о своей детской мечте. Чувствуя радость отца, Глемас намеренно увлеченно интересовался секретами ведения хозяйства. Отец оттаивал и начинал бесконечные рассказы о сортах плодовых деревьев или о преимуществах одновременной замены всего комплекта андроидов услуги замка перед выборочной.

Только младшая сестренка – прекрасная Снежа – догадывалась о состоянии брата. А тот уже серьезно думал о том, чтобы сбежать с родной планеты.

Обычно для полета в столицу Гронберг заказывал на стратосфернике одиночную кабину. В этот раз, к большому его удивлению, все одиночные кабины оказались заняты. Не желая лететь в общей, где возвращались на учебу такие же, как он, студенты, Глемас согласился на место в кабине на двоих.

Увидев своего соседа, словоохотливого и явно желающего поболтать старичка, он немного пожалел о своем решении. Но все оказалось просто прекрасно. Старичок оказался умным и деликатным собеседником. Даже не заметив как, Гронберг выложил ему все о своей жизни. Старик ничего не сказал против странной мечты юноши, он даже не удивился, а наоборот – порадовался за него.

– Я так завидую вам, молодой человек! Я в силу своего возраста не увижу всего того, что предстоит вам.

Словно это был давно решенный вопрос. И Глемас, словно очнувшись, понял – а ведь все действительно возможно!

Прощаясь, старичок дал свой адрес и попросил обязательно навестить его. Не желая обидеть понравившегося попутчика, студент в свободный ближайший вечер отправился по взятому адресу. И завяз!

Оказывается, Рухас Даринг – так звали старичка – тоже с самого детства мечтал

посмотреть мир, тоже хотел увидеть чужие звезды. У него оказалось припасено множество рассказов о приключениях, при этом они отличались крайней достоверностью, словно он сам в них участвовал.

Как-то исподволь Рухас подвел к тому, что мечта Глемаса не только прекрасна сама по себе, но может еще и приносить пользу родному Грону, да и всей Империи.

Вспоминая сейчас те времена, Гронберг думал, что селекционер имперской разведки на Гроне – Рухас Даринг – был воспитателем от бога. Даже теперь, нахлебавшийся уже дерьма и не раз проклинавший свой выбор, он был благодарен Рухасу. Хотя до сих пор не знал, настоящее ли это имя!

* * *

«Этот козел в черном что-то сделал со мной». Вчерашняя страшная боль, крутившая и рвавшая мышцы, и сегодня отдавалась в теле.

«Наверно все – таки американцы. Наши бы уже давно разобрались». В пользу этой версии говорило и то, что он явно был связан. Стараясь больше не шевелиться – пусть думают, что он еще в отключке – Сергей медленно приоткрыл глаза. Кругом было темно, лишь справа сверху светились желтым и зеленым глазки каких-то приборов. Пошевелившись, он определил, что лежит на чем-то ровном: «Стол, что ли?» Ремни перехватывали тело в нескольких местах. Руки на запястьях и ноги у щиколоток тоже были зафиксированы.

Вдруг все осветилось. Стены зажглись ровным белым светом. Казавшаяся в темноте крохотной, комната сразу как будто раздвинулась, но все равно осталась небольшой. Сверху, с низкого потолка, нависал какой-то ящик, на его передней панели и светились индикаторы. Больше в комнате ничего не было. Сергей не ощущал вибрации, не слышал никаких звуков.

Непонятно, куда его привезли. Его ум отказывался принимать, что где-то в Афгане может быть такая чистая комната. Да и в Союзе Кротов такой техники не видел. Уже как данность он принимал, что попал к американцам. «Лучше бы афганцы застрелили», – заставлял себя думать он. Но мысль была притворной, не настоящей, и не прижилась. Жить хотелось до чертиков. И почему-то думалось, что американцы все равно не будут так пытаться, как душманы.

Оставив бесполезные дерганья, Сергей решил подождать дальнейшего развития событий. «Главное жив. Руки-ноги целы, а там еще увидим, на чьей улице будет праздник...»

Очень хотелось в туалет... и пить. Но в туалет все-таки больше. «Хоть бы зашел кто!» – чтобы скорей окончилась эта тягостная неизвестность. Кротов уже решил закричать, но в этот момент стена беззвучно разошлась и в помещение вошел «черный». Похоже, он следил за ним и знал, что очнулся.

– Не надо на меня так смотреть! Я ведь тебя спас, – На чистейшем русском языке заявил «американец». Сергей промолчал, но продолжал внимательно наблюдать за вошедшим.

На этот раз шлема на нем не было. Короткая стрижка. Не отличавшийся миниатюрностью нос. Внимательные серые глаза. Волевой рот с узкими губами. Черная форма с множеством карманов и ремешков, как влитая, сидела на спортивной фигуре. «Даже по харе видно – не наш!» – из противоречия, зло подумал Кротов. Правда, его сильно удивила правильная русская речь узкогубого. Во всех фильмах, которые Сергей видел до этого, враги разговаривали, страшно коверкая русские слова.

– Сейчас я тебя освобожу, – предупредил американец, подходя к кушетке и направив на нее маленькую черную коробочку. – Не делай глупостей, солдат. Иначе так и будешь лететь со мной до базы пристегнутым.

«Опять на самолет! – подумал Кротов. – Вот хрен тебе! Только освободи!»

Ремни отскочили и, скользнув, спрятались в теле кушетки. Сергей развел и свел руки – слушаются! Потом приподнялся и, повернувшись, прыгнул с высокой кушетки. Тут же присел, изображая, что ноги не держат его. Враг внимательно наблюдал за ним. Странно – Кротов не чувствовал его. Раньше это его чутье никогда не подводило Сергея. В драках он всегда чувствовал следующее движение противника. «Обученный, сука! Что же делать?» – он поднял на «черного» жалобный взгляд.

– Мне бы в туалет.

Тот немного постоял, обдумывая, и без всякой жестикуляции переспросил:

– Естественные надобности?

– Они самые.

– Туда! – он показал в угол комнаты.

– Туда?! – Глаза у Кротова округлились. – «Черт! Как у духов в зиндане!»

– Вы что? Я здесь не смогу!

Ничего не объясняя, американец пошел в угол. Стена перед ним опять лопнула, открыв взгляду «удобства».

– Иди!

Обойдя застывшего в углу «черного», Сергей юркнул в туалет. Когда стена за ним закрылась, он справил нужду и прошелся по карманам. Пусто! На брюках остался узкий брезентовый ремень. Если что, хоть повешусь – невесело пошутил про себя Кротов, пряча ремень в карман. Чтобы выйти, он повторил фокус врага – пошел прямо на стену. Это сработало.

Выйдя в комнату, Кротов увидел, что «американец» стоит к нему спиной и тыкает пальцем в экран на приборе, висевшем над кушеткой. Сергей тихонько двинулся к нему, доставая из кармана свернутый ремень. Видимо, «американец» несколько не боялся советского солдата. Кротов почти приблизился, а тот даже не оглянулся. То, что его не принимают всерьез, обидело и разозлило Сергея. В глазах привычно побелело, и разворачивающаяся внутри пружина кинула его на спину «черного». Накинув ремешок через голову на шею врага, солдат потянул его на себя. Мгновенно развернувшись, бросил через спину. Перескочив лежавшего, Кротов уселся у него на спине, при этом продолжал душить. Противник схватился за ремень, но хватка постепенно слабла. «Американец» хрипел, потом несколько раз конвульсивно дернулся и затих. «Потерял сознание», – понял Сергей. Он не хотел убивать «американца». Тот нужен был живым. Сдернув с шеи ремень, быстро стянул «черному» руки за спиной. Потом перевернул на бок и похлопал по щекам:

– Не вздумай помирать.

Связать ноги было нечем. Ремешки на форме ни в какую не хотели отрываться. Тогда Сергей стянул до колен черные брюки, стреножив «американца». Под штанами оказались странные – в обтяжку – серые подштанники, почти до колен. «Как у бабы!» – прыснул Кротов.

Лежавший дернулся и захрипел. Убедившись, что он начал дышать, Сергей обыскал карманы. Никакого оружия, только две черные пластиковые коробочки с закругленными краями. Обе удобно ложились в ладонь, как будто прирастая. Он повертел их, разглядывая, но

так и не понял, что это. Ладно, разберемся. Сунул обе в карман. Еще раз осмотрел помещение. Пора поискать остальных и найти место, где они хранят оружие.

Как оказалось, стены раскрываются не в любом месте. Вышел Кротов только с третьего раза. Попал он в небольшой – метров шесть – коридор. Похоже, это бункер или подвал. Все стены и потолок были покрыты сотнями труб и проводов. В полумраке между ними горели какие-то индикаторы, небольшие экранчики – по ним иногда проскакивали цветные сполохи. Здесь стены уже не светились. Свет падал с широкой полосы вдоль потолка. Несколько раз по бокам открывались проходы, свободные от труб – места для дверей. Сергей решил осмотреть их попозже. Он двигался к двери в конце коридора. Возле неё он остановился и приготовился ждать. Должен же кто-то пойти проверить, почему так долго нет «черного».

Простояв полчаса в готовности нанести удар, Кротов понял – ждать дальше не вмоготу. Но ввалиться в помещение, где, возможно, сидит толпа вооруженных американцев, тоже не хотелось. «Пойду, проведу первого, – решил он. – Наверняка уже очухался. Может, чего интересного расскажет».

«Черный» смотрел на Сергея бесстрастно и даже, как показалось, чуть снисходительно. Связанный, со спущенными штанами – очень не вязался этот взгляд с его жалким видом. Как будто он оставался хозяином положения, а не валялся у ног Кротова. «Быстро одыбал, – покачал головой Кротов. – Будто и не хрипел, полумертвый, полчаса назад». Солдат наклонился к лежавшему:

– Слушай сюда. Сейчас я буду задавать тебе вопросы, а ты будешь мне правдиво отвечать. Мне, как понимаешь, терять нечего. Так что, если что – тебя я все равно успею захлестнуть!

«Американец» поморщился:

– Ты глупый, солдат!

– Ты не отвлекайся! – Улыбнулся Кротов. – Я-то глупый, а ты весь такой умный, лежишь тут передо мной. Сколько вас здесь?

– Я один.

– Я же просил говорить правду! Хочешь ботинка по почкам попробовать?

– Повторяю. Ты глупый. Я один на этом корабле.

– Че, америка, совсем крыша от страха съехала? На каком еще корабле? В Афгане? Тут до ближайшего моря неделя!

Американец демонстративно отвернул голову и уставился в стену.

– Что, будем молчать? Ну, смотри, сука, сам напросился!

Сергей вскочил:

– Сейчас отпинаю, сразу запоешь!

Сказать и сделать – оказалось совсем не одно и то же. Пинать равнодушно лежавшего на полу человека почему-то было противно. Сергей постоял, пытаясь разозлить себя. Бесполезно. Повернувшись, пошел обратно в коридор. «Я не особист, проводить допросы меня не учили», – успокаивал он себя.

Не останавливаясь, он шагнул из коридора в раскрывшуюся перед ним дверь...

Сергей был в ступоре. В голове никак не укладывалась картина, которая открылась ему, когда он вошел в дверь в конце коридора: Огромные яркие звезды в черной пустоте... Это было неправильно, нереально. Такого просто не может быть! Мелькнула даже мысль, что он все еще в отключке и это глюки.

Все вокруг было немного похоже на декорацию из фильма «Отроки во вселенной», который он смотрел еще в школе. Полукруглый пульт, с несколькими вогнутыми экранами, три глубоких кресла – одно, среднее, чуть впереди, два сзади. И над всем этим – огромный прозрачный фонарь кабины.

«Это зачем же я им, если меня даже в космос вытащили?» Никакого разумного объяснения Сергей не находил. Ни в прошлой, довоенной, жизни, ни сейчас в Афгане – ничем он не заслужил такого!

Как не велико было потрясение, крепкая психика Кротова понемногу начала приходить в порядок. Подождем. Раз нужен, значит, скажут зачем. Он быстро развернулся и побежал обратно, надо все-таки раскалывать «американца».

– Вы че? Вы совсем... Вы охренели! Вы меня... на «шаттле» вашем, что ли!? – Тряс Сергей связанного пленника.

– Развяжи!

Кротов, действуя как автомат, ослабил и снял ремень с запястьев американца. Тот встал, натянул штаны:

– Идем. Только ты впереди, – махнул он рукой в сторону выхода. Солдат покорно пошел впереди.

– Садись! – «черный» показал на правое кресло. – Только ничего не трогай!

Сам он сел в середине, взглянул на экраны и вдруг заговорил, быстро-быстро повторяя слова на незнакомом, грубом, явно не английском, языке. Сергей удивленно оглянулся, в кабине никого не было. Бесстрастный машинный голос что-то ответил на том же тарабарском языке. «Автоматика», – догадался Кротов. Фантастических книг, хоть это и был страшнейший дефицит, он прочитал немало.

– Слушай внимательно! – повернулся к нему «космонавт». – Сейчас я объясню тебе твою задачу. Времени у нас очень мало. Сразу начинай думать, как лучше её выполнить.

– Я не предатель! – угрюмо буркнул Кротов.

– Ты до сих пор ничего не понял, солдат. Я не с вашей планеты...

* * *

Каждый наследник великого императора, а наследниками считались все, имевшие хоть толику царственной крови, по достижении определенного возраста должен был отметиться на военной службе. Подразумевалось, что они должны повоевать на передовой, командуя полком или бригадой. Благо войн всегда хватало. Без этого, сколько бы лет не было принцам или принцессам, они считались несовершеннолетними.

Для армейских начальников попадание к ним в часть такого командира становилось самой настоящей головной болью. Особенно если это была особа из ближнего круга. Обычно, чтобы быстрее избавиться от этой занозы, им устраивали красочную победоносную операцию, а потом – не менее шумные и красочные проводы.

С начала времен было заведено, что в имперской армии служили все: люди и нелюди, мужчины и женщины, все, но строго на добровольной основе. И только наследники должны были отслужить обязательно. Так что девиц царственной крови с малолетства обучали основам военной науки наравне с мальчиками.

Нередко бывало, что и среди царственных особ попадались нормальные грамотные

вояки, умевшие воевать не только на паркете. В истории даже известны принадлежавшие к императорской семье прекрасные военачальницы, выигравшие не одно сражение.

Когда принцессе Алгале Аллювиель Блиц Голиеконе Шестнадцатой, представительнице боковой ветви правящего дома, имеющей не каплю, а целый стакан голубой крови, пришло время становиться взрослой, она была к этому готова.

Все родственники по её линии были военными. Чтя традиции семьи, воспитательницами у нее были отставные армейские дамы. Преимущественно из специальных сил. Несмотря на армейский уклон, она получила положенное по её статусу прекрасное разностороннее образование. Плюс наследный чин полковника в армейской пехоте – в знаменитом Алгатском гренадерском полку, когда-то в незапамятные времена спасшем самого правящего монарха.

Согласно традиции, полк должен был полностью формироваться из выходцев с Алгасты – родной планеты принцессы. Однако, как и везде на внутренних планетах, боевой дух местных жителей давно угас, и они не очень-то рвались погибать во славу империи. Постепенно, сначала рядовой состав, а потом и почти все командные должности в полку заняли желающие сделать карьеру или просто заработать денег выходцы с новых окраинных планет.

Прибыв ко двору, новоиспеченный полковник получил назначение; переоделся в форму с шевроном цветов Алгасты на рукаве и номером на нагрудном кармане; и, оставив многочисленную свиту, с одним ординарцем – девицей с внушительным салатом орденских планок на высокой груди – отправился к месту службы.

В то же время, когда красавицу с офицерскими знаками полковника на воротнике на палубе крейсера встречал весь – кроме дежурной вахты – офицерский состав корабля, на грузовую палубу поднялся офицер со скромным капитанским знаком. Согласно предъявленным документам, он отправлялся в ту же знаменитую Алгатскую часть на должность командира взвода разведки.

Имперская безопасность никогда не оставляла возможных наследников без присмотра. Однако в этот раз даже такой спец, как Глемас Гронберг, а это был именно он, ничем не смог помочь. На подлете к месту службы крейсер погиб в неравном бою, атакованный неизвестным противником.

* * *

Когда начался бой, Гронберг спал в своей каюте. Как только первый раз корабль встряхнуло от залпов атакующих, агент скатился с койки. Три остальных места были пусты. Не став одевать форму Алгатского полка, он выдернул из своей сумки привычный мимикрирующий спецкомбинезон для активных операций. Не совершая лишних движений, быстро оделся, собрал в ранец необходимые вещи и подключил свой коммуникатор к корабельной сети. Наблюдая за развитием ситуации, Глемас понял – корабль обречен. Как он и ожидал, острие атаки было направлено на покои сиятельной родственницы, охрана которой и являлась главной задачей гронца. Теперь его приоритетом было – во что бы то ни стало – выжить и определить, кто и куда увезет принцессу. А потом – он невесело улыбнулся – как водится, спасти бедную девушку.

Повесив на шею специальный иглопистолет диверсионных групп и закрепив на поясе

стандартную кассету с пятью универсальными гранатами, Гронберг накиннул на плечи ранец. Проверил нож в ножнах у локтя и второй, у голени. Пару раз подпрыгнул; ничего не мешает, не вываливается. Пора. Закрыв забрало шлема, выглянул в коридор. На внутреннюю поверхность щитка шлема выводилась вся информация с коммуникатора, которую тот выуживал из умирающей сети гибнущего крейсера. Быстро рассчитав наиболее безопасный путь на транспортную палубу, гронец побежал. Двигаться надо было осторожно, но быстро. Ему было ясно, что принцессу в любом случае возьмут живой. Иначе бы вся эта авантюра была бессмысленна.

Тактический план операции был ясен, как будто Глемас сам разрабатывал его: обездвижить крейсер, скоростной удар всеми силами десанта в направлении местонахождения наследницы, захват и быстрое отступление с уничтожением всех свидетелей. Из этого следовало, что прятаться на корабле бесполезно. Крейсер обязательно уничтожат. Пока сюда придут имперские силы, поднятые сигналом тревоги с гибнущего судна, агрессоры растворятся в космосе. Единственный шанс уцелеть – это покинуть корабль еще до взрыва.

Прибыв на корабль, агент сразу изучил его схему. Потом побродил по судну, как бы бесцельно, но на самом деле отрабатывая маршруты с палубы на палубу. Это было заложено в нем годами учебы и закреплено жизнью – всегда иметь под рукой несколько путей отхода. Сейчас это пригодилось. Не желая встречаться ни с врагами, ни со своими, Глемас бежал узкими полутемными коридорами на транспортную палубу. Еще в начале путешествия осматривая её, он заметил там катер дальней разведки. Это было то, что надо. Приличный запас хода, космического и атмосферного, и неплохое вооружение.

Пройдя весь путь почти без помех, лишь пару раз пришлось затаиться, чтобы пропустить бегущие куда-то небольшие группы матросов крейсера, он застрял на входе на палубу. Охранявший вход молодой матрос наотрез отказался пропустить его, упорно требуя разрешение от старшего караула. Не помог даже знак – удостоверение всемогущего министерства. Матрос был растерян и, не зная, что делать в наступившем бедламе, упорно цеплялся за устоявшиеся правила. Гронберг понимал его, но времени на уговоры не было. Обездвижив охранника парализатором, он уложил обмякшее тело возле прохода и кинулся к разведкатору.

Заняв место в кабине пилота, разведчик проверил работу всех систем и стал ждать. Надо было не пропустить момент и стартовать за секунды перед взрывом. Если раньше – заметят и живым не выпустят. Позже – погибнешь вместе с крейсером. Наблюдая через коммуникатор, глазами камер и сканеров умирающего корабля, за происходящим в космосе, он заметил пуск ракеты. Тотчас истребители прикрытия нападавших помчались от имперского судна. Глемас нажал педаль носовой сдвоенной лазерной пушки. Выстрелом сорвало с направляющих аппарат выпуск катеров. Давлением атмосферы корабля её отбросило в космос. В тот же момент гронец стартовал. В шлейфе замерзающего воздуха и в сопровождении выброшенных из корабля предметов катер вырвался в космос.

– Раз, два, три! – отсчитал Гронберг, вжатый перегрузкой в компенсатор кресла, и отключил двигатель. Отключив все, даже систему жизнеобеспечения, он пошел по мертвому катеру к шлюзовой, чтобы залезть в скафандр высшей защиты. Скоро температура в корабле будет не очень отличаться от забортной.

Все получилось просто идеально. За вспышкой взрыва катер просто не заметили.

Отключенная аппаратура не позволила засечь его детекторами энергии. Спектрометры приняли катер за гигантский металлический обломок крейсера. Кроме того, поджимало время. Эскадра империи скоро должна была прибыть к месту трагедии.

Когда проводившие поиск истребители нападавших исчезли, он вылез из тяжелого скафандра высшей защиты и включил оборудование. Пока согревался, компьютер выдал ему проекцию его местонахождения, и тут что-то забрезжило на самом краешке сознания. Глемас никак не мог вспомнить, что именно, и оставил это на потом. Он знал, что какой-то кусочек мозга все равно будет работать над этой темой и рано или поздно все вспомнится. Но сейчас первоочередной задачей было: первое – куда увезли его подопечную? второе – кто это был? Хотя, возможно, если узнать второе, первое откроется само собой.

Детекторы катера постоянно сканировали окружающий космос, отыскивая любые остаточные излучения, по которым электронный мозг мог высчитать маршрут похитителей. Надо было торопиться, с каждой минутой следы воздействия на космос затухали, и вскоре фон остаточных излучений мог стать слишком слабым для приборов катера. Было ясно, что до прибытия имперцев фон станет абсолютно нормальным. Пока была только одна хорошая новость – не было следа «схлопывания» пространства. Это говорило о том, что корабль нападавших не ушел в гиперпрыжок. Если они остались в этой звездной системе, дальности полета катера вполне хватит. «Траектория рассчитана, – привлек внимание Гронберга речевой информатор. Тот крутнулся к экранам. – С вероятностью восемьдесят девять и три десятых процента конечная точка – это звезда Дега».

– Какого...?! – удивился разведчик, разглядывая выведенные на экран данные. Окраина Галактики, свободный космос. По негласному разделу – вотчина кармадонцев. Но их войск здесь нет. Конечно, с Кармадонским Союзом отношения всегда напряженные, но не настолько, чтобы уничтожать крейсер и уж тем более захватывать кого-то из монаршей семьи. Это сразу большая война, без вариантов. Больше всего нападавшие походили на пиратов. Ни знаков отличия, ни флага. Но действовали они, как армейская часть. «Ладно, решать эту головоломку будем попозже. Сначала надо добраться туда», – решил гронец, отдавая приказ компьютеру корабля.

«Веселое местечко», – покачал головой Гронберг, продолжая читать данные о планетах Деги.

Планетная система звезды Дега на звездных картах была перечеркнута крестом. Но не жирным красным крестом полного запрета контактов, а обычным – синим. Это подразумевало, что хоть контакты и не запрещены, но каждый, кто туда отправляется – делает это на свой страх и риск. Планеты системы не входили в состав ни одной из трех великих звездных держав. Нормальный кислородный мир был только на одной – ближней к светилу – Зорне. Две другие считались условно пригодными для существования.

Это была обычная пограничная планета, но с кое-какими привилегиями. Когда-то какой-то правитель Зорна оказал важную услугу властям Кармадонского Союза, в зоне интересов которого находился Зорн, за что выторговал особые права. Главное – планета никогда не будет находиться под чьей-нибудь властью. Гарантом этого выступал Кармадонский Союз. Здесь не действовали уголовные, гражданские и прочие кодексы всего цивилизованного мира. Здесь не выдавали беглых преступников и рабов. Здесь разрешались опыты с генной инженерией. Короче, здесь разрешалось почти все. И здесь не имели права находиться ничьи военные силы, кроме опереточной, погрязшей во взятках, пограничной

охраны Зорна.

Этот мир был удобен всем, в том числе разведкам и корпорациям великих держав, для обдѣлывания разных темных делишек. Доминирующей была, как и везде, гуманоидная человекоподобная раса. Но в городах – как всегда в пограничье – встречалось немало нелюдей. Понятно, что при таком положении вещей здесь ярко цвела преступность, в том числе и организованная. На планете находились штаб-квартиры трех из восьми крупнейших преступных сообществ цивилизованного мира. Зато никак не могли закрепиться главные разведведомства трех держав.

Несмотря на всевозможные меры конспирации, агенты гибли. В большинстве, в результате несчастных случаев. Некоторая часть – в результате нападений уличных бандитов. И в том, и в другом случае смерть жертв была предельно жестокой. В конце концов, разведки перестали маскироваться и открыли официальные представительства. Понятно, что теперь у них не было никакой возможности работать по своему профилю. Зато, как по волшебству, прекратились несчастные случаи сотрудников.

На Зорне, кроме пяти официальных религий, существовало огромное количество различных культов. В последний год набирала силы одна секта. Это была самая обычная смесь из множества верований людей и нелюдей. Непонятно почему, секта за короткое время приобрела множество приверженцев. Друг друга они называли братьями и, на первый взгляд, были абсолютно равны между собой. Но на самом деле это была жестко структурированная система со строгой иерархией и беспрекословным подчинением на всех уровнях.

Для дикого, едва сшитого аморфными, властными структурами, вольного сообщества Зорна она являлась чем-то чужеродным. Начав подниматься сравнительно недавно, общество Верных – таково было официальное название – уже получило реальное влияние на планете и серьезно конкурировало с преступными синдикатами. Те попытались взять общество под свой контроль, но все получилось наоборот; большое количество рядовых солдат и даже многие бригады вдруг уверовали в приход Совершенного и стали одними из самых преданных Верных.

Каждый день в общество вливались все новые и новые члены. Не каждый из них мог объяснить, во что именно он верует, но готов был немедленно умереть за это. Все это напоминало массовое сумасшествие. Власть начала заигрывать с сектой. Ей были дарованы некоторые финансовые поблажки, а на суровом обледеневшем Тарне, одной из двух условно пригодных к проживанию планет, ей было передано в вечное владение огромное, окруженное горами плато. Там тотчас началось какое-то строительство. Говорили про громадный храмовый комплекс, который должен быть готов к приходу Совершенного.

Гронберг еще раз отметил строчку в отчете о планете – на Зорне есть представительство министерства, что было очень хорошо. Ведь до сих пор в Империи не знают, что он жив. О судьбе Алгалы, скорей всего, – тоже.

Спустя сутки Глемас запрашивал разрешение на посадку на одном из трех космодромов Зорна. Еще на орбите он вошел в местную сеть и начал искать интересующую его информацию. Безрезультатно. Нет здесь такой силы, чтобы не побоялась напасть на имперский крейсер. Для подобного нужны не только люди и техника, нужна организация – мощная и хорошо управляемая. Здесь же, похоже, даже центральная власть ничем не управляла. Единственная сила на планете, которая может что-то провернуть в одиночку, – это общество Верных. Но вряд ли монахи по праздникам одевают десантные комбезы и,

набившись в десантный транспорт, гоняют по космосу, карауля корабли империи. Скорей всего, те, кто виновен в гибели крейсера, просто делали здесь остановку. Гадать можно долго. В данный момент в обозримом космосе не было ничего, похожего на них. Ладно, посмотрим, что об этом знают на планете.

Разрешение дали сразу. Диспетчер тусклым голосом указал сектор посадки и потерял интерес к прибывшему. Не спросил даже, кто такой. Тем лучше. Чем незаметнее он будет, тем легче работать. Однако не всем он был неинтересен. Как только катер, отключив посадочные двигатели, замер, к нему подрулил красно-черно-белый бронированный транспортер с лучевой пушкой на башенке.

– Пограничный и таможенный контроль! – прокричал усиленный техникой голос. – Просим соблюдать спокойствие, вы под прицелом лучевого оружия!

Церемония встречи говорила о многом. Видимо, команды кораблей, прилетавших сюда, не очень жаловали таможенный контроль.

Два офицера в форме той же расцветки, что и транспортер, в одинаковых черных очках, направились к кораблю. Глемас встретил разноцветных служак у выползшего трапа.

– Цель визита? – небрежно козырнул один из подошедших.

– Дозаправка. Небольшой отдых.

– Долго в космосе? – сразу заинтересовался второй пограничник. – Могу посоветовать прекрасную гостиницу. Недорого, зато обслуживание высший класс! Вот карточка. По ней все со скидкой, – всеобщий язык в его исполнении был хотя и понятен, но с сильным акцентом.

– Возможно, я ей воспользуюсь, – не стал отказываться гронец. Можно было биться об заклад, офицер имел процент с этой гостиницы.

– Вам необходимо оплатить въездную пошлину, – они озвучили цифру. Цена была не очень высока. Глемас подключил коммуникатор к устаревшему терминалу зорнцев, и требуемая сумма в единой валюте переключалась на счет пограничной охраны. На этом все формальности закончились. Никакого досмотра они проводить не стали.

– Хорошо отдохнуть! – транспортер заурчал и тронулся в сторону торгового транспорта, садившегося в соседнем секторе.

Вечная осторожность, вошедшая уже в привычку, подсказывала, что сразу связываться с представителем министерства не стоит. Сначала надо оглядеться. Поэтому Глемас решил пройтись по городу, послушать и поглядеть. Заодно познакомиться с местной кухней, поскольку стандартная корабельная еда из автомата надоела уже до основания. Он выбрал полувоенный стиль одежды, чтобы не очень отличаться от космических торговцев. Оставил черные форменные брюки и ботинки. Куртку надевать не стал, надел рубашку с коротким рукавом и обычный армейский легкий бронежилет. Жилет, хотя и выглядел обычным, был изготовлен по заказу министерства, поэтому имел несколько дополнительных опций, могущих пригодиться в щекотливой ситуации. Из спецоружия взял только кинжал на голени и парализатор, который положил прямо в карман жилета, чтобы всегда был под рукой. На пояс повесил обычный армейский лучевик в потертой кобуре. Нацепив на нос черные очки – непременный атрибут человека, слишком много времени проводящего в космосе, – он осмотрел себя в зеркале. Обычный торговец – знающий себе цену космический бродяга. Глянув на такой прикид, местная шпана не станет наглеть, во всяком случае, Глемас надеялся на это.

Поставив катер в режим недоступности, он направился к красной полусфере с горящей надписью «вход» над дверями. Войдя в здание, агент спустился по эскалатору к бесконечной ленте пассажирского транспорта. Поднявшись по такому же эскалатору в конце транспортного тоннеля, он оказался на небольшой площади перед гигантскими раздвижными воротами космодрома. В сторону города уходила широкая прямая магистраль. Вдоль неё и вокруг площади призывно сверкали вывесками недорогие ресторанчики. Тут же толпой стояли многочисленные извозчики. Их флаеры и наземные машины занимали все свободное пространство перед заведениями. Вечер был теплый. На улице слонялось и сидело у столиков, вынесенных из кафе, множество народу. В основном – закончившая смену обслуга космодрома и ждущие попутный груз торговцы. Как и везде в подобных местах, тут и там шныряли юркие личности с бегающими глазками. Посреди площади замер транспортёр стражей порядка – близнец пограничного, только не такой яркой расцветки, а радикально черный. Прислонившись спиной к борту, одинокий полицейский лениво хрустел какими-то орешками, доставая их из яркого пластикового пакета.

«Нет, не может быть нападение на крейсер совершено местными, это явно не вояки, – опять подумал Глемас. – Надо искать след тех, кто недавно побывал здесь. Даже если транспорт просто повисел на орбите, персонал космодрома все равно был в курсе. Особенно диспетчеры».

Отрицательно мотая головой, он пробился через толпу обступивших его извозчиков, предлагавших самую недорогую и комфортабельную поездку хоть на край света, и направился к ресторанчику с банальным названием «Космос». Возле него расположилась наиболее многочисленная толпа в комбине зонах космопорта. Не задержавшись на улице, Гронберг прошел внутрь заведения. «Как уютно!» – удивился гронец. Не очень большой, но и не маленький зал с приглушенным светом. Мягкая, спокойная расцветка мебели и стен. Столики отгораживали возле небольшой эстрады место для танцев. А на самой эстраде – гронец чуть не запнулся от удивления – расположился самый настоящий живой оркестрик. Несколько струнных, ударник и высокий зеленоватый нелюдь – похоже нифлянец – с блестящей изогнутой трубой. Певица, красивая, средних лет, женщина в блузке с открытым вырезом, в котором видна была соблазнительная ложбинка высокой груди, сидела прямо на краю сцены. Она крутила в руках что-то, похожее на старинный микрофон, и ждала, когда нифлянец закончит своё соло. Нога в высоком ботинке под черными обтягивающими брюками выстукивала ритм, и в такт этому она покачивала головой. Рыжие волосы свободной волной рассыпались по плечам и тоже колыхались в ритм музыки. «Какая сексуальная! – Глемас даже головой встряхнул, отгоняя наваждение. – Слишком долго я болтаюсь по космосу», – усмехнулся он, высматривая свободный столик. Мест ни в зале, ни у стойки бара не было. Лишь в темном углу за столиком на двоих восседал угрюмый бородатый торговец.

– Кого-то ждете? – вежливо спросил гронец. Бородач, погруженный в свои мысли, недоуменно посмотрел на него. Потом заулыбался неожиданно приятной белозубой улыбкой:

– Не, один я. Садись, а то все вроде бояться ко мне подсесть.

– Я не боюсь, – успокоил его Глемас.

– Ну, ну... – неопределенно хмыкнул торговец и потерял интерес к происходящему. Он снова застыл над большой кружкой пива, отпитой едва ли наполовину.

Гронберг присел и огляделся. К нему сразу направилась девушка в фартучке. Живой официант, как в престижном клубе где-нибудь в Империи. Заказав такую же, как у соседа,

кружку пива и поесть что-нибудь натуральное – на выбор официантки, разведчик глянул на коммуникатор, закреплённый на запястье левой руки. Ни вызовов, ни прослушки, ни наблюдения. «Счастливый мир», – вздохнул он, прикинув, сколько бы сейчас «мух» и «клопов» окружили бы их столик, нацелив свои камеры и микрофоны, присядь он так же в пограничном мире Империи. Точно как и в Кармадонском Союзе и, тем более, в Свободных мирах, правительство которых славилось своей паранойей относительно антиправительственных заговоров.

Принесли заказ. Певица поднесла микрофон к губам. Медленная красивая песня на местном языке наполнила зал, ещё добавив очарования вечеру. Глемас невольно расслабился. Вдруг бородатый сосед толкнул его:

– Смотри, смотри! Видел такое?

За соседним столиком, где сидели двое мужчин и две женщины в форменных костюмах с эмблемой торгового флота кармадонцев, все странно застыли, закрыв глаза, словно напряжённо вслушиваясь. Через пару минут они очнулись и, будто ничего не было, весело болтая, продолжили ужин. В это же время комм на руке едва слышно завибрировал, привлекая его внимание. Гронберг посмотрел на экранчик. Наличие неопределяемого электромагнитного сигнала. По времени совпадает с беспамятством соседей. Профессиональное чутье разведчика зазуммерило красной лампочкой: «Опасность! Опасность!»

– Ты представляешь, я со вчерашнего дня здесь и постоянно вижу такую дрянь. Люди засыпают даже посреди разговора, а очнувшись, ничего не помнят, – возбужденно шептал торговец. – Кстати, меня Бруно зовут, – протянул он руку.

– Карудо, – ответил Глемас, по привычке назвавшись вымышленным именем.

– Местные говорят – это с ними общается Совершенный.

– Никогда не видел, чтобы божество снизошло до прямого общения с людишками.

– Вот и я про тоже! – согласился Бруно. – В скольких мирах я побывал, видел кучу всяких культов, но нигде не встречал, чтобы бог шептал на ушко своей пастве прямо на улице. Я не говорю про сумасшедших – таких везде полно.

Вечер сразу потерял всю свою очаровательность. Надо будет расспросить местного резидента про непонятные обмороки, но пока это не главное. Главное – принцесса. А для этого надо выяснить, куда направился боевой транспортник, побывавший недавно здесь. Может, даже удастся выяснить его принадлежность.

– Ты говоришь, только два дня здесь?

– Так и есть.

– А раньше бывал?

– Года два назад частенько бывал. Потом подвернулся длинный контракт в другом месте, а сейчас только прибыл.

– Понятно. А из диспетчеров местных ты никого не знаешь?

– Старых почти всех знаю. Тут сейчас вон одна.

– Покажи.

– Вон с микрофоном. Певичка.

– ?

– Она частенько после работы поет здесь. Когда заходит, всегда её просят, она и не отказывается.

– Как зовут, не знаешь?

– Нет. Не помню. Вроде бы знал, да забыл, – бородач еще подумал. – Нет. Не припомню.

– Ладно, познакомимся.

Ждать пришлось долго. Глемас прикончил все, что ему принесли, и попил из маленькой чашечки горячий чарм – местный тонизирующий напиток со слабым алкогольным действием. Поговорив с Бруно об интересных для торговца вещах – надо было отрабатывать легенду, – он незаметно подвел беседу к вопросу о десантном транспорте. Бородатый торговец ничего об этом не знал. Лишь подкинул интересную мысль: если где и можно спрятать корабль, так это на Тарне. Там даже целый флот можно спрятать.

Наконец певица закончила свое импровизированное выступление и ушла за столик, из-за которого ей постоянно приглашающе махали руками. Похоже, коллеги. Выждав немного, Глемас подошел к музыкантам и заказал медленный танец. Потом решительно направился к столику с компанией диспетчерши.

– Добрый вечер! – Поклонился он удивленно повернувшимся к нему людям. – Могу ли я пригласить даму на танец?

Лица сидевших за столом мужчин сразу потеряли доброжелательность. Один приподнялся:

– Ты кто такой?

Однако рыжая певица быстро прикрыла ему пальцем рот и улыбнулась Гронбергу:

– Можете, – и, повернувшись к своим, добавила: – Раз уж из вас никто не догадался.

Гронец протянул руку, женщина вложила свою ладонь в его, и они пошли к эстраде. Гронберг, как потомственный аристократ, провел в свое время немало часов в танцклассе, а дама обладала врожденным чувством ритма. Они закружились, ведомые звуками трубы нифлянца. Агент даже себе бы не признался, что, приглашая рыжеволосую красавицу, он думал совсем не об информации. В зеленоватых глазах партнерши многообещающе заплесал чертенком чувственный огонек. Вечер обещал закончиться совсем по-праздничному.

– У меня завтра выходной, – прижавшись спиной к Глемасу и закинув голову так, что она оказалась у него на плече, прошептала Лойза. Они сидели в кровати. Он, подложив под спину высокую подушку, опирался на стену, а она удобно устроилась между его ног и откинулась на его грудь, как на спинку кресла. Её рыжие волосы растрепались и щекотали, тыкаясь в щеку и в нос. Её тонкая ночная рубашка приятно холодила разгоряченное тело.

– Это хорошо. Значит, поспишь за сегодняшнюю ночь.

– А ты?

– Мне надо поработать. Сама понимаешь, если не буду крутиться, нечего будет есть.

– Но ты вернешься?

– Обязательно! – Глемас ни капли не покривил душой. Еще вчера, как только он вошел в ресторан и увидел стройную рыжую певицу, в сердце у него появилась маленькая сладкая заноза. После того, как натанцевались, он повел её к своему столику. Бородатый Бруно ушел. Когда они танцевали, тот пробирался к выходу и от дверей показал Глемасу большой палец, в знак одобрения.

– Представляешь, я чуть не каждый день здесь пою, и никто не догадался, что я люблю еще и танцевать! Спасибо тебе, Карудо.

Познакомились они, еще когда кружили под музыку маленького оркестра. Потом они долго сидели и болтали обо всем. Глемас немного рассказал о своих планах, о том, что решил начать бизнес на этой планете, но посетовал, что торговле могут мешать местные военные.

Это рассмешило Лойзу:

– Если наши «военные» начнут мешать торговле, на что они жить будут? Да и называть наших пограничников «военными» – это чересчур.

– Я говорю не про пограничную службу. Меня предупреждали, что здесь на орбите висит военный транспортник, набитый техникой и войсками.

– Это вранье, уж я-то это точно знаю. Все-таки окрестный космос – это моя работа. Хотя какие-то военные или наемники недавно здесь точно были. Но не транспортник, а два катера. Правда, они садились не на нашем космодроме, здесь все было забито.

– Может, это про них и говорили, просто я попутал. Когда это было?

– Дней пять назад. Я как раз менялась с ночной, когда они запрашивались.

Боясь вызвать подозрения, он сменил тему:

– Смотри, народ уже расходится.

– Ой, вот мы с тобой заболтались.

Глемас почувствовал, что ей, как и ему, не хочется расставаться.

– Можно я тебя провожу?

– Конечно! – с облегчением выдохнула Лойза.

Заснули они только под утро. Гронберг разрешил себе поспать три часа. Надо идти на встречу с резидентом. Ведь чьи-то военные катера все – таки опускались на планету. Возможно, они до сих пор здесь. Пора воспользоваться помощью министерства.

Поднявшись, он сходил в душ, налил и выпил чашечку чарма из заварочной машинки и подошел к спящей. Волосы пламенем горели на белоснежной подушке. Рот приоткрылся, она смешно посапывала и как будто хмурилась во сне.

«Чертова работа. Почему я должен всех обманывать?» – вздохнул он. Наклонившись к спящей, он осторожно коснулся губами её губ. Она почувствовала и, не открывая глаз, обхватила руками его шею:

– Пошел?

– Я ненадолго.

– Я буду ждать. Если только не позовет Совершенный.

Глемас остановился. Надо бы расспросить Лойзу про все это. Что это за сеансы связи с божеством? Однако надо идти. Сначала решаем главную задачу, потом остальное. Повесив на пояс кобуру и по привычке проверив, все ли на месте и как легко можно это достать, он шагнул в теплое зорнское утро. Одной из причин, по которой он приземлился именно в этом порту, стало то, что представительство министерства находилось в этом городе. Еще на корабле Гронберг изучил маршрут до него и сейчас мог бы добраться самостоятельно, но время поджимало. Выйдя за оградку красивого одноэтажного дома Лойзы, он остановился на тротуаре, подняв руку в жесте, понятном всем извозчикам мира.

На всех планетах, там, где до этого бывал Гронберг, офисы-резиденции министерства обязательно находились на тихих окраинных улочках в местах с хорошо просматриваемым подходом и выходами на несколько разных улиц. Обычно это была мелкая торговая фирма с незапоминающимся названием или какой-нибудь фонд в поддержку местных животных. Тут же все было совершенно иначе. Монументальная, отлитая из бронзы, вывеска с полным названием министерства находилась на стене перед входом в один из лучших офисных небоскребов города. Она соседствовала с эмблемами известнейших трансгалактических торговых и производственных фирм, подчеркивая мощь и возможности самого известного

министерства мира. Вбежав по ступеням лестницы, на которой мог бы разместиться пехотный полк, он, под укоризненным взглядом двоих обвешенных оружием охранников, направился к раздвижным стеклянным дверям. Сразу за дверями находилась сканирующая арка, возле которой стояли двое. За стойкой со стеклянными перегородками сидели еще несколько вооруженных людей. Оглядевшись, Глемас отметил бронепластиковые широкие двери комнаты охраны, из которых мог выскочить, не мешая друг другу, сразу взвод наемников. Все серьезно. Никакого сравнения с пограничниками в порту, сразу видно; охранная фирма высшей категории. Оно и понятно – фирмы, находящиеся здесь, не любят неприятности, а их финансы позволяли оплатить самое лучшее. Все-таки немного удивили такие меры безопасности. Кого они боятся? Регистрирующий Гронберга охранник бросил удивленный взгляд. Нечасто, видимо, тут появляются простые торговцы. Но когда он назвал цель визита, тут уже все повернулись к нему.

– Вам назначено?

– Нет. Но меня примут. Вызовите офис.

По глазам наемников Глемас понял, что его статус резко пошел вверх.

– Не отвечает.

Раз за разом охранник нажимал на флажок на экране.

– Никогда такого не было! – К стойке подтянулись другие наемники. – Проверь коридор.

– Чисто, – изображение с «мухи», кружившей у дверей офиса министерства, показывало спокойный пустой коридор. Глемас почувствовал, как знакомая лампочка в мозгу замигала красным. Вышелкнув из рукава удостоверение, агент кинул его охраннику:

– Проверь! – и тут же начал командовать. – Тревожную группу за мной, вперед перед нами десяток «мух», изображение ко мне на коммуникатор. Быстро!

Всунув карточку в идентификатор, охранник с удивлением отметил ранг торговца и, вернув удостоверение, подтвердил приказ.

– Действуем по форме два! – скомандовал оператор. Из разъехавшихся дверей комнаты выскочило шесть человек, уже с оружием наизготовку. «Профессионалы, – отметил гронец. – Это хорошо».

– Какой этаж?

– Последний, пятидесятый.

«Кто бы мог сомневаться? – усмехнулся Гронберг. – Путь эвакуации всегда должен быть. Хотя бы через крышу». Скоростной лифт мгновенно поднял группу на пятидесятый этаж. «Мухи» были уже здесь – висели по всему коридору. На последнем этаже было два офиса в разных концах огромного помпезного коридора. Мягкие кожаные диваны и кресла перемежались столиками с включенными головизорами и обезличенными офисными коммуникаторами для посетителей. Последних не было. Коридор, в обе стороны от дверей лифта, был пуст.

– Туда! – махнул рукой охранник, показывая вправо. У дверей офиса все остановились. Наемник поднес к замку универсальный служебный ключ, но двери остались заперты. Как и следовало ожидать. В помещения министерства так просто не попадешь. Глемас достал свой знак и поднес к дверям. С его допуском разрешался вход не только в офис на заштатной планете, но и в заведения покруче. Так и произошло. Двери разъехались, и туда сразу влетели несколько «мух». Наемники в офис не пошли. Грамотно расположившись в коридоре, они контролировали выход. Внимательно рассмотрев на коммуникаторе внутреннее помещение, Глемас приказал охране оставаться на месте:

– Похоже, там все нормально. Дальше я пойду один. Страхуйте.

Система безопасности уже явно связалась с его чипом. Случайностей, типа – лазером в упор – быть не должно.

Шагнул в двери. Взгляд вокруг. Тихо. Никого. Холл стерилен. За стеклянной перегородкой еще кабинет. Стекло волнами размывает перспективу, но видно, что тоже пусто. Глемас приоткрыл дверь, впуская «мух». Чисто. Через минуту зашел сам. Человек сегодня здесь был. Даже не допитая чашка с каким-то напитком на столе. Еще проверить туалет и можно отпускать охрану. Туалет пуст. Остается одно – агент ушел через крышу. Хотя вероятность того, что охрана не заметила садившийся на крышу флаер или коптер – равна нулю. Но это уже не главное, есть различные возможности покинуть крышу и без летательного аппарата. Гронберг знал это на собственном опыте.

– Все свободны. Попозже я свяжусь с оператором. Пока будем считать тревогу ложной, – гронец подождал, пока все скрылись в лифте, еще раз прошелся по коридору и зашел в офис. Двери захлопнулись, выехавшая следом из стены бронеплита наглухо отделила его от остального мира. «Узнаю родное министерство, – улыбнулся он, потом прошел в кабинет и сел в кресло. – Ну, и как мне узнать, где хозяин этого заведения? И что мне теперь делать? Называется, попросил помощи!» Несмотря на отсутствие следов борьбы и вообще каких-либо следов, чувство тревоги, появившееся еще внизу, не покидало его. А он привык доверять своей интуиции. Решив проверить путь, которым резидент покинул здание, Глемас пошел искать выход. Других дверей, кроме тех, через которые он вошел, в помещении не было. Чутье повело его в туалет. Встав перед большим – в рост человека – зеркалом, он понял; это то, что он ищет. Проведя карточкой по раме зеркала, Гронберг удовлетворенно хмыкнул. Зеркало беззвучно отошло в сторону, открыв взгляду защитную бронеплиту, которая тоже поехала в сторону. «Конечно, что это за дверь, если она не защищена броней», – улыбнулся Гронберг, шагая в шахту с круто поднимавшейся короткой лестницей.

Большая, как аэродром, крыша небоскреба оказалась девственно пуста. Два, обозначенных кругами, посадочных места для флаеров и множество каких-то будок и антенн. В двух огромных решетчатых трубах выходов вентиляции мелькали лопасти. «Не думал же ты, что найдешь здесь мирно прогуливающегося резидента», – успокаивал он себя, спускаясь обратно в здание. Сев обратно в кресло, он связался с охраной.

– Скиньте мне запись сегодняшнего появления хозяина этого кабинета.

Оператор хотел что-то возразить, но передумал, решив, что связываться со всемогущим министерством из-за мелкой бюрократической формальности, себе дороже.

– Минуту, офицер.

Из остановившегося у монументальной лестницы такси бодро выпрыгнул молодой человек в сером деловом костюме и направился к раздвижным дверям. Охранники кивнули ему как старому знакомому. Съемка велась не только со стационарных камер, но и с «мух», поэтому Глемас видел полноценную голограмму. Удивил возраст резидента, но прикинув круг его обязанностей на этой забытой планете, гронец перестал удивляться. Просмотрев всю запись, от входа в здание до входа в офис, агент отключил изображение и откинулся на спинку кресла. Что-то он упустил, червячок тревоги так и грыз его подсознание. Вставив свой знак в прорезь коммуникатора с эмблемой министерства над экраном управления, он попытался разобраться, что здесь к чему. Через некоторое время начало получаться. Он активировал собственных невидимых «мух». На экране появились изображения с их камер;

вход в здание, потом лифты и множество коридоров. «Мы шпионим за соседями». Что-то подобное Гронберг ожидал, поэтому его это не удивило. Среди множества значков он выбрал один, с изображением сейфа – так обычно обозначалось секретное помещение. «Посмотрим, что это такое?» – он коснулся значка. Сзади зашуршало, и Глемас крутанулся на кресле. Стена разошлась, за ней, как всегда, отъехала плита бронепластика. Взору разведчика открылась глухая, без окон, комната. Вся противоположная стена была заставлена полками с оружием. Но, в первую очередь, бросался в глаза стоявший посередине, обычный где-нибудь на армейском транспортнике, саркофаг для криосна. Светящийся индикатор показывал, что устройство в работе. Гронберг встал и, осторожно ступая, словно боясь разбудить того, кто находился там, подошел к модулю. Под прозрачным колпаком лежал тот самый молодой человек, который сегодня утром так бодро бежал на работу.

Ошарашенный Глемас вернулся в кресло. «Славно я встретился с родным министерством. Загадка за загадкой. Только успевай поворачиваться». Что же заставило только пришедшего на работу агента, даже не допив чарм, завалиться в анабиоз. «Может, постоянный недосып. Вот и решил наверстать упущенное», – пошутил сам с собой гронец. То, что здесь находился заготовленный заранее комплекс для криосна, говорило о многом. Надо идти от того, в каком случае прячутся в криосон и от чего он спасает? Самый первый, лежащий на поверхности ответ – чтобы переждать очень длительный промежуток времени – отпадает. Зачем парню консервировать себя? Чтобы сохраниться молодым до выхода на пенсию? Не смешно. Следующий вопрос – от чего спасает сон в морозильнике. От какой-то болезни, которая не может прогрессировать в замороженном теле? Тогда на терминале комплекса уже бы горела предупредительная надпись, что тело инфицировано. После известных случаев вскрытия найденных криоконтейнеров с погибших кораблей, когда неизвестная космическая зараза выкашивала целые станции, полная проверка тела на неизвестное заболевание перед заморозкой стала обязательной встроенной программой этих модулей. Глемас задумался. Надо искать принцессу и здешнее дело нельзя бросать. Хоть разорвись. «Во всех помещениях министерства все обязательно пишется. Надо просмотреть прошлые записи, – решил Гронберг. – Начнем с сегодняшней». Он коснулся нужного значка и, не увеличивая изображение, начал просматривать голограмму прямо на столе.

Двери закрылись, и бронеплита запечатала вход. То, что было до этого, Глемас видел на записи охраны. Молодой человек, не снимая куртки, быстро прошел в кабинет. Присев за стол, за которым сейчас сидел гронец, он вложил в прорезь свою карточку и быстро что-то набрал на коммуникаторе. Потом ткнул в экран и откинулся на спинку кресла. Глемас отмотал назад и увеличил изображение. Что за текст набирал резидент, видно не было. Он автоматически, как любой полевой агент министерства, страховался от видеонаблюдения. Но Гронберг и так уже догадался, что он делает – набирает адрес. Вот он ткнул в значок отправки и откинулся. Сообщение. Возможно, в центре уже знают или скоро узнают, что произошло. Вдруг резидент очень знакомо застыл, словно заснул. Глемас развернул и увеличил изображение. Да, глаза открыты, но ничего не видят – совсем как те кармадонцы в кафе. Через минуту или чуть больше агент очнулся, потряс головой и коснулся значка на экране. Какого – стало понятно сразу. Сзади распахнулись двери секретной комнаты. Агент прошел туда и, пока двери закрывались, было видно, как он наклонился над пультом модуля криосна. Потом стена схлопнулась, и на записи несколько мгновений был пустой кабинет. Запись кончилась. Правильно, чего снимать пустые стены.

С одним более-менее понятно. Здесь проводилась какая-то операция. И один из выходов из неё – через заморозку. Что ж, раз сообщение отправлено, значит, все идет по плану. Пора связываться с начальством и заниматься своим делом – похищенной родственницей. Жаль, сообщение туда и обратно придет только через пять дней. А помощь ждать вообще не стоит. Армию нельзя – зона влияния Кармадонского Союза. Хотя республика, формально, абсолютно независима – гарантом этого являются кармадонцы. Политика. Развернуть группу от министерства займет столько времени, что когда все заработает, она будет уже не нужна.

«Передаю сообщение и еду в порт, – решил Гронберг. – Надо своими глазами увидеть этих военных, если они еще здесь». Он начал набирать код личного канала, и тут его скрутило. Место за правым ухом, где когда-то был вживлен основной наночип, засвербело и как будто завибрировало. Боль, распространяясь из этого места, постепенно нарастала. Глемас схватился за столешницу и сжал челюсти. Невольный стон, больше похожий на мычание, вырвался из побелевших губ. Так продолжалось несколько секунд. Вдруг все исчезло. Разведчик судорожно вздохнул и расслабился. Медленно вытер с лица выступивший пот. Ментальная атака. Но не такая, как у хищников с планеты Драконов, или Рондо-4, как числилась она в лоции. Его, как и других курсантов, во время обучения приводили в лабораторию, где держали этих огромных рептилий для проверки степени устойчивости к этому виду воздействия. Тогда он перенес все намного легче. Та «магия» – как её называли курсанты – была живая. Нынешний удар был намного сильнее и какой-то искусственный, словно электрический разряд. Похоже, его воздействие было направлено на имплантат. То есть, получается, чип вовсе не инертен к любому виду внешних воздействий, как утверждалось до сих пор. Но это противоречит всей науке и практике по применению имплантатов. Уже не первое поколение, население всех планет цивилизованного мира, жило с различными имплантатами. Если бы нашелся способ как-то управлять ими – это означало бы конец мира. Управлять можно было бы всеми – от солдата до императора. «Модуль для криосна, – сообразил Глемас, – вот зачем он нужен. Если бедняга подвергался атакам постоянно, ясно, что он попытался найти защиту от этого». Все складывалось. Ему вспомнились отсутствующие лица кармадонцев, поведение резидента, рассказ бородатого торговца Бруно и странное заявление Лойзы сегодня утром. Везде Совершенный! Не надо было быть самым умным, чтобы понять – атака на него только пробный шар. С остальными этот божок разговаривает уже вполне мило, без всяких болевых ощущений.

Приоритеты кардинально менялись. Сейчас не до спасения принцессы.

Откинувшись в кресле, Глемас расслабился. Сделав несколько упражнений дыхательной гимнастики, он попытался отрешиться от окружающего. Добившись нужного состояния, агент мысленно покинул свое тело. Его бесплотное я, поднявшись под потолок, сверху оглядело помещения. Методика интуитивного поиска (чему только не учат в академии министерства) уже не раз помогала ему. Где-то тут спрятан носитель, дублирующий информацию, переданную резидентом. Дублирование важных данных было обязательной процедурой. Несколько минут Гронберг провел в трансе. Наконец взгляд его вновь стал осмысленным. Поднявшись, он решительно направился к модулю заморозки. Мысленный поиск не обнаружил тайник, но обнаружил носитель. Это был сам резидент.

Надо торопиться. Эту планету необходимо срочно покинуть. Ментальная атака могла повториться в любое время, и может быть, что в этот раз местный божок или демон – кто он там у них – справится со своей задачей лучше. «И начну я разговаривать с потусторонней силой», – вздохнул разведчик. Времени на то, чтобы организовать эвакуацию резидента

прямо в устройстве, у него не было. Пальцы заиграли по экранчику модуля, набирая команду на разморозку.

Легко уйдя от удара, Глемас перехватил руку нападавшего и, используя инерцию еще вялого после заморозки тела, дернул его в направлении удара. Подсечка завершила дело. Завернув лежавшему вниз лицом противнику руку за спину, он предупредил:

– Еще будешь дергаться, одену наручники.

Покрутившись, резидент понял, что из захвата ему не вырваться, и затих. Рывком подняв на ноги, Гронберг повел его к креслу.

– Садись. Я тебя предупредил. И успокойся, в конце концов – я работник министерства.

– Откуда ты взялся? – прохрипел молодой человек.

Гронец выразительно ткнул пальцем в потолок:

– Как всегда, из космоса.

– Покажи знак.

Резидент понемногу приходил в себя.

– Неужели ты думаешь, что я бы смог войти сюда, будь я человеком с улицы? – сказал Глемас, доставая жетон. Уже не опасаясь, он подошел к столу и налил из машинки чашку горячего чарма.

– Выпей маленькими глотками, полегчает. Знаю по опыту.

Последовав совету, сидевший в кресле полуголый человек медленно опустошил чашку.

– Теперь рассказывай, что за чертовщина здесь творится.

– Сначала ты.

– У меня для тебя информации нет. Я на этой планете случайно, у меня своя операция.

Еще некоторое время помолчав, наверное, обдумывая, что можно сказать, резидент заговорил:

– Я здесь уже два года. Первый – это была просто синекура. Серьезной работы по нашему ведомству почти не было. Около года назад что-то произошло. Здесь была одна обычная секта: «Общество Верных», верующие в приход Совершенного. Что это такое, я думаю, тогда они и сами не знали. Так вот, как я сказал, около года назад он пришел, этот их мессия.

– Что, прямо таки явился в громах и молниях?

– Нет, конечно. Но то, что он здесь, это бесспорно. Множество людей слышат его, разговаривают с ним.

– Ты тоже?

Резидент затравленно взглянул на Гронберга и обреченно кивнул. Гронец не стал говорить, что небожитель стучался и в его голову.

– Сначала никто не обратил на это внимание, прибавилось поклонников у какой-то секты, ну и ладно. Неприятностей они никогда не доставляли. Общество Верных – в основном граждане добропорядочные – торговцы, служащие. Но количество верующих росло прямо по часам. Дошло до того, что даже спаянные кровью мафиозные кланы попали под влияние Верных. Я уж не говорю про местные власти. Почуввав, какая масса народа уверовала в Совершенного, они тут же принялись заигрывать с верхушкой секты. А потом и многие из власть предержащих попали под прямое влияние культа. Теперь это организованная, со строгой иерархией, организация. Я уже не мог игнорировать такое необычное явление и провел свое расследование. Верные не скрывали историю прихода своего бога.

По их словам, дело происходило так: произошла авария на торговом корабле, принадлежащем одному из верующих. Им пришлось сесть на Тарне – второй необитаемой планете системы. Там, дожидаясь прилета спасательной экспедиции, они и встретили Совершенного. Звучит как бред, но это полная правда. Я проверил всю хронологию и убедился в этом.

Самого Совершенного никто не видел. Кроме, ставшего сейчас главой культа, некоего Маттиаса. Он был суперкарго на том аварийном корабле. Я прошелся по его биографии: абсолютно обычная жизнь обычного маленького человека. Но после прибытия с Тарна он стал творить самые настоящие чудеса. Например, для того, чтобы обратить человека в свою веру, ему не надо даже разговаривать с претендентом, достаточно просто взглянуть ему в глаза. Понятно, что он теперь глава общества, а бывшие патриархи у него на побегушках.

Про Тарн тут вообще разговор особый. Верные основали там базу, и вот про это они не распространяются. С большим трудом я выудил кое-какие сведения. База находится на ледяном плато в горах. Пробраться туда, если ты не приглашен, нет никакой возможности. По тому, как её охраняют, это больше похоже на военный объект. По непроверенным данным, там настоящие войска, вплоть до боевого космического транспортника с полной упаковкой.

«Вот, оно! – Глемас ничем не проявил своего волнения. – Скорее всего, и Алгала там». Хотя многое он уже знал, некоторые факты стали для него новостью.

– Как ты начал общаться с божком?

– Сейчас дойду до этого. Собирая сведения, я уже не мог положиться на своих информаторов. Каждый из них мог оказаться вновь обращенным. Поэтому пришлось действовать самому. Я попытался попасть в главное святилище секты. Это не возбраняется и легко удалось. Ничего особенного там нет. Но там меня первый раз прихватило. Это была просто страшная боль. Я чуть не обделался. Потом я узнал – так начинается знакомство у многих, но не у всех. Позже, анализируя собранный материал, я пришел к такому выводу: чем выше статус человека, чем больше у него денег или выше его ступенька в иерархии власти, тем тяжелее идет его обращение. Рядовые граждане почти не испытывают боли. А «белую кость» ломает по многу дней, пока голос Совершенного зазвучит в мозгах. С чем это связано, я выяснить не успел.

– А ты не думал про имплантаты? – перебил Глемас. – Чем выше человек в обществе, тем совершеннее его наночипы. И количество их больше.

– Мне это приходило в голову. Но ты прекрасно знаешь, что воздействовать на имплантат невозможно.

Гронберг задумчиво кивнул. Многое когда-то было невозможным.

– Продолжай.

– Подняв архивы, я нашел кое-что в нашей базе данных. Под городом разветвленная система тоннелей – наследие прошлого. У общества есть собственное подземелье. По слухам, там находится или сам Совершенный, или его часть, или его невеста. В этой галиматее я разобраться не успел. У нас есть видеозапись большинства подземных проходов. Когда-то, на всякий случай, в тоннели запустили «мух», они и сняли. Ты же знаешь, в министерстве никакую информацию не считают лишней. Вот я и хотел организовать экскурсию туда.

Резидент вздрогнул всем телом и, повесив голову, затих.

– Эй, ты что? – гронец потряс заснувшего за плечо. Тот вскинул голову, в глазах горел безумный огонек. Глемас среагировал мгновенно. Встретил кинувшееся на него тело

коротким ударом в корпус, в болевую точку, связанную с дыханием. Резидент, хотя и захрипел, никак не среагировал на удар. Боевая фаза, болевые ощущения отключены, понял Гронберг. Не желая покалечить невменяемого коллегу, Глемас отступал под неистовым напором противника. Принимая удары на блоки, он терпеливо выжидал момент. Находясь под внешним воздействием, резидент не очень заботился о защите.

Когда он попытался нанести длинный удар правой в голову, гронец поймал его кулак в замок двух сцепленных рук. Используя руку как опору, он подпрыгнул и оседлал шею противника. Закручивая тело и ломая руку, завалил резидента на пол. Сжимая ногами горло, полностью перекрыл доступ воздуха. Зафиксировав руки, Глемас ждал, когда полузадушенный противник успокоится. Неожиданно тело резидента обмякло. Бросив руку, Гронберг прижал пальцы к горлу коллеги.

– Что за дела?!

Резидент не дышал.

Приложив голову к груди и еще раз убедившись в смерти, Глемас заторопился. Сняв с руки мертвеца коммуникатор, он подбежал к столу, оторвав белесые нити биосвязи от стола, схватил мощный служебный коммуникатор. Оглянувшись в поиске чего-нибудь, куда можно его засунуть – ничего подходящего. Завернул в куртку мертвого резидента. Утащив тело в секретную комнату, быстро навел относительный порядок. Зашел в туалет, оглядел себя в зеркале. Поправил волосы. Глубоко вздохнул, успокаиваясь. Можно уходить.

Охранник подозрительно посмотрел на сверток под мышкой, но ничего не сказал. Сев в такси, Глемас приказал отвезти себя на космодром. Ужасно хотелось заехать к Лойзе, но это было исключено. «После завершения операции», – пообещал себе Глемас.

На перекрестке машина остановилась, чтобы перестроиться. Гронберг выглянул в окно: по тротуару шла группа возбужденно болтавших и жестикулирующих, словно вентиляторы, синелищих сампоро с неизменными мачете на поясе.

– Только вас здесь не хватало, – проворчал гронец и, захрипев, упал между сиденьями. Боль свела все мышцы. Кто-то невероятно огромный пытался влезть в его голову, разрывая мозг и раздвигая кости черепа. Глемас потерял сознание.

– Ничего, ничего. Все нормально. Сейчас посидите, отдохнете, и все пройдет, – голос таксиста выплыл из вязкой тишины небытия. Глемас потряс головой, пытаясь выгнать назойливый звон из ушей.

– У меня сосед – большая шишка у бандитов, – таксист понизил голос. – Так его больше недели ломало, пока услышал Совершенного. Охранники чуть не на руках его носили. А вы зря бегаете по городу. Раз уж началось, лучше дома лежать.

– Быстро на космодром! – прервал Гронберг участливый монолог таксиста.

– Как скажете, – обиженно проворчал тот и всю оставшуюся дорогу бурчал себе под нос про людей, не понимающих, какое счастье на них свалилось.

По – быстрому завершив формальности, необходимые при отлете с планеты, Глемас забрался в кресло пилота.

Лишь выйдя на орбиту и задав новый курс, он немного успокоился.

* * *

Он долго был в небытии. Просыпаясь, он жадно ловил энергию, которая появилась

вокруг. Оживали, настраивались внутренние связи. Поврежденные линии отсекались, налаживались обходные пути. Энергии было еще слишком мало, но главное произошло: кто-то живой оказался рядом, и это разбудило его. Он еще не осознавал, кто он, однако заложенная в нем программа уже начала работать.

* * *

Общество Верных было самой обычной сектой, не очень многочисленной и не очень догматической. На Зорне таких было пруд пруди. Если бы не вольный торговец Сланди, лишь по семейной традиции верующий в приход Совершенного, она так и осталась бы рядовой.

Однажды Сланди крупно не повезло. Основной маршевый космической баржи барахлил. Притом давно. Каждый раз, находясь в космосе, купец с тревогой следил за телеметрией двигателя и давал слово по возвращении плюнуть на расходы и поменять основной. Однако, прибыв на Зорн и подбив итоги торговых операций, он вызывал к себе механика, старого, опытного, но много пьющего человека, и спрашивал:

– Ну, как он? – Обоим было понятно, что речь идет о многострадальном двигателе. – Может, сможем еще рейс?

Механик морщился, неопределенно качал головой и бурчал, пытаясь не дышать на хозяина:

– Попробую, пошаманю... – потом набирался смелости, – но в последний раз! Иначе не вернемся однажды.

В конце концов, это произошло. Почти на пороге дома. На границе звездной системы они остались без тяги. Через два часа пришел механик. Даже не сняв скафандр, в котором он лазил в рабочей зоне реактора, откинув только маску, он подошел к капитану:

– Все! Остались только посадочные. Надо где-то садиться и глушить реактор полностью. Иначе... – Он обреченно махнул рукой, развернулся и побрел обратно в машинное отделение.

Похоже, Совершенный все-таки хотел однажды явиться в мир. Иначе чем объяснить то, что баржа с мертвым основным двигателем дотянула от границ системы до планеты Тарн и без особо страшных потерь приземлилась, в смысле притарнилась, на замерзшем плато среди огромного горного массива. Как ни крутил Сланди, уговаривая механика и сам не веря в это, еще раз посмотреть – может, сможем дотянуть до Зорна, пришлось выходить на связь и вызывать спасательное судно. У торговца слезы наворачивались на глазах, когда он думал, во сколько это ему обойдется. Спасательное подразделение пограничной охраны, узнав о том, что с минимальной загрузкой реактора – только для работы систем жизнеобеспечения – они смогут протянуть хоть месяц, торопиться не стала, пообещав прибытие в течение десяти дней. Немногочисленная команда торгового корабля включала в себя, кроме Сланди и механика Шрондиса, еще двоих: шкипера Геру Свен, плотную женщину средних лет с грубым мужским голосом, и суперкарго Маттиаса, немолодого, как и все остальные в этой команде, кругленького толстяка. Летали вместе они давно и давно переговаривали обо всем. Во время полета, когда повседневные обязанности не давали много времени на общение, они еще как-то терпели друг друга. Но вынужденные каникулы, когда без привычной загрузки дни стали вдруг длинной в месяцы, накалили обстановку в маленьком коллективе. Особенно злым оказался Шрондис, у которого уже давно выработался рефлекс при каждой стоянке непременно выпить. На третий день Сланди, чувствуя назревающую бурю, приказал

готовиться к выходу на поверхность.

– Необходимо осмотреть корабль снаружи и вообще определиться, что вокруг, – придумал он, рассудив, что любая самая глупая работа лучше, чем это выматывающее безделье. Для проформы поворчав, экипаж с энтузиазмом взялся за подготовку к выходу.

Экспедицию Сланди решил возглавить сам. На борту оставили Геру. Она сразу поняла, что наружный осмотр корабля – чисто туристическая затея для заполнения внезапно свалившихся на них дней отдыха. Поэтому не рвалась прогуляться по льду Тарна. Хотя на планете сохранились остатки атмосферы, она была сильно разряжена и не годилась для дыхания. Космические скафандры надевать не стали, ограничились легкими защитными скафандрами техников из арсенала Шрондиса. Механик пояснил, что система терморегуляции в них не хуже, чем в скафандре высшей защиты, а одной таблетки регенерации воздуха хватит на пять часов работающему человеку, если не двигаться – то на все десять.

Шлюзовая камера – на случай загрузки в космосе или чужой атмосфере – находилась в грузовом отсеке. Выровняв давление, автоматика уложила широкую дверь камеры на лед, превратив её в трап, они выстроились шеренгой и вместе сделали исторический шаг на поверхность Тарна.

Резкие угловатые тени от неровностей льда, белый искрящийся лед, низко висящий яркий желтый круг Деги, гораздо меньший, чем на родной планете, и дальше – в черноте космоса, там, где терялось слепящее свечение местного солнца – светлячки звезд. Обрамляли это великолепие острые зубцы гор. И тишина. После унылого надоевшего замкнутого пространства корабля – это был мир бога. Трое замерли в благоговейном молчании.

– Красота! – наконец выговорил Сланди.

– Осмотрите корабль. Я пойду, посмотрю вон на те камни, – торговец показал на торчавшие метрах в ста черные, вплавленные в лед, обломки необычной формы.

Добравшись до того, что показалось издалека камнями, торговец замер. Торчавшие из льда предметы были явно искусственного происхождения. То, что он сейчас видел, больше всего походило на броневые листы какого-то гигантского механизма. Остальная часть туши этого монстра находилась подо льдом. Подойдя поближе, он склонился над торчавшим лоскутом металла. Необычный абсолютно черный цвет обшивки навеял воспоминания. Что-то такое он уже слышал про черные корабли. Он вспомнил!

– Шрондис, Маттиас! – закричал Сланди, включив связь. – Скорей сюда!

– Чего орет? – скривился механик. – Связь отличная, шепот бы слышали.

– Что там у тебя?

– Я говорю, идите быстрее сюда! Только не обделайтесь от радости!

Услышав такое странное предостережение, оба резво направились к капитану. Увидев то, что нашел Сланди, Маттиас охнул и сел прямо на лед. Он прекрасно знал, что это такое.

– Черный корабль, – едва слышно прошептал он. – Мы богаты!

Торговец кинулся к ним, схватил ничего не понимающего механика за руку и потащил его к куче металла:

– Видишь? Он весь здесь, просто его затащило льдом! Видно, грохнулся черт знает когда, и за века его и затащило. «Справедлив ты, Совершенный, ибо кто, как не я, заслужил это! – чуть не запел он, потом, оглянувшись, смущенно поправился. – Мы заслужили это!»

Шрондис осторожно отодвинулся от явно спятивших коллег и тоже наклонился над черным ровным куском металла.

– Да, не сомневайся ты, это настоящий черный корабль. Корабль предтеч!

Суперкарго, как болванчик, только кивал в знак согласия. Наконец до механика дошло.

– Это то самое? Это значит мы...

– Да, да! Мы богачи! Настоящие богачи! Пошли на корабль, порадуем Геру.

* * *

Он нашел живого. Шок. Активность нейронов живого упала до минимума. Рядом еще живой. Не один. Двое. Приемники у них хуже. Шок. У одного рвутся все связи. Неживой. Шок. У второго рвутся связи, но не полностью. Теряет тридцать четыре процента нейронов. Надо быть с ними осторожнее. Очень слабые создания.

* * *

Первым упал Сланди. За ним механик. Суперкарго ткнулся в лед последним. Так их и нашла Гера. Занятая своими делами, она не сразу обратила внимание на картинку с выдвинувшихся внешних камер. Увидев лежащие тела, Гера не стала психовать и впадать в панику. Эта крепкая спокойная женщина была той прослойкой, которая цементировала экипаж, не давая остальным цепляться острыми углами друг за друга. Приблизив картинку, она выругалась – чего никогда не позволяла себе в присутствии мужчин – и попробовала вызвать кого-нибудь из лежавших по связи. Не добившись успеха, Гера – не желая рисковать – надела тяжелый скафандр для открытого космоса, забралась на грузовую тележку и выкатилась на лед Тарна. Подъехав к лежащим, она опять выругалась – у лежавшего на боку механика горел на груди красный сигнал. Мертв. Подойдя к Маттиасу, она перевернула его на спину – желтый. Но хоть жив. Лишь у капитана на груди горел нормальный зеленый огонек. «Значит, без сознания», – решила она. Не давая себе времени на то, чтобы задумываться о том, что с ними случилось, она включила манипулятор тележки и аккуратно погрузила всех троих. Торопясь, она даже не обратила внимания на торчавшую изо льда конструкцию.

Медицинский блок был рассчитан на одного человека. Гера сразу загрузила туда суперкарго. Глядя на его искаженное болью лицо, она сочувственно покачала головой. «Что же с ними случилось?» – думала она, раздевая Сланди и разглядывая такое же страдающее лицо. По телеметрии защитных костюмов ничего не понять – полная норма. Никаких внешних воздействий. Запись с камеры показала, что они просто упали, один за другим, без всяких видимых причин. «Ладно, подожду, пока очнутся. Может сами расскажут». Переносная аптечка, приложенная к ладони капитана, уже что-то вколола ему, и лицо его постепенно разглаживалось.

Очнулся Сланди в своей каюте. «Я видел бога! Совершенный заглянул в меня!» – это была первая и самая главная мысль после беспамятства. Он попытался вскочить. Дремавшая в кресле возле кровати, Гера Свен удержала его.

– Гера, я видел Совершенного! – Он даже не вспомнил про черный корабль. Про находку, которой так радовался. Уставившись в потолок каюты, Сланди снова переживал все, что

случилось накануне. Сначала страшная боль, когда кто-то огромный и могучий вламывался в его сознание, преодолевая и снося полноводным потоком хрупкие преграды, выставляемые испуганным мозгом. Потом чувство сопричастности с чем-то равным космосу, но живым – живущим уже так долго, что человеку трудно даже представлять такие сроки, применительно к жизни. Потом все исчезло, видимо, когда он потерял сознание. Ему казалось, что где-то в нем остался маленький кусочек того великого, что посетило его сегодня. Только сейчас торговец вспомнил про остальных:

– Где механик и суперкарго?

Гера горестно покачала головой:

– Шрондис умер. Маттиас в медицинском боксе. Пока без сознания.

– Почему? Что произошло?

– Это я у тебя хотела спросить! Вы все лежали на льду, как рыба на рынке. Ты ожил и, вместо того чтобы рассказать мне правду, несешь какую-то ахинею. Видно, когда падал, здорово головой приложился. Я думаю, что это все-таки что-то с этими таблетками регенерации воздуха. Надо ускорить прибытие спасателей. Они и с вашими припадками разберутся.

Сланди молчал, пытаюсь осмыслить услышанное. «Неужели все пережитое лишь действие испорченных таблеток для дыхания?»

Нет, не может быть. Все это было слишком реально. Вдруг он почувствовал, что нечто зовет его. Надо туда, на лед, поближе к обломкам! Сланди не задумывался, откуда возникла эта мысль, он просто знал, что это необходимо. Он решительно поднялся и направился к шлюзовой. Гера ушла смотреть Маттиаса, и никто его не задерживал. Он уже почти экипировался, когда она нашла его.

– Сланди, куда это ты?

– Гера, мне срочно надо к кораблю предтеч!

– Как же ты пойдешь? Ты только очнулся после обморока, – ласково сказала она. – Ты еще совсем слаб. Надо полежать, поесть. А то опять упадешь.

Гера поняла, что до прибытия спасателей ей придется справляться одной. Карго еще не пришел в себя. А капитан, хотя физически выглядел хоть куда, но с головой у него совсем плохо. Уговаривая, она тихонько попыталась увести его из шлюзовой. Однако тот вырвал локоть из её руки.

– Шкипер, так ты не видела, что мы нашли?

Она отрицательно покачала головой.

– Я не смотрела. Надо было срочно вытаскивать вас.

Сланди с превосходством посмотрел на неё и триумфально объявил:

– Совершенный привел нас прямо к кораблю предтеч!

Ей было плевать на Совершенного, как и на всех других божков огромного зорнского пантеона, она была атеистка, но она действительно не рассмотрела, что там нашли эти трое. А в голосе капитана звучала такая убежденность.

– Подожди, я с тобой. Только давай, на всякий случай, наденем космические скафандры, вместо этих технических.

Насчет этого Сланди возражать не стал, и через несколько минут они шли к черным обломкам. Шкиперу космической торговой баржи с громким названием «Звезда Зорна», которая полжизни провела в космосе, хватило одного взгляда на порванную обшивку замороженного корабля, чтобы понять – Сланди не спятил. Еще девчушкой, учась в академии,

она увидела первые голограммы кораблей предтеч. Хотя мир, откуда они появились, до сих пор не найден, мертвые корабли или их фрагменты, хоть и редко, но попадались в открытом космосе. Да, это была удача, окупающая все их бывшие и будущие расходы. Да что там – им больше никогда не придется работать. Если там подо льдом находится целый корабль, а это, похоже, так и есть, то покупателя с таким кошельком на своей планете они не найдут. Только трансгалактические корпорации смогут осилить такую цену. Но, скорей всего, на корабль будет только три покупателя: Империя, Вольные Миры и Кармадонский Союз. Усилием воли Гера стряхнула наваждение. «Размечталась, как девочка, – её практический ум начал работать. – Надо срочно оформить находку по всем правилам. Иначе, узнав про такую сумму, некоторые не смогут побороть искушения».

Вдруг все поплыло у нее перед глазами. Кто-то страшно могучий коснулся её сознания. Видно, почувствовав, что она сейчас упадет, неведомая сила немного отступила. Гера со страхом посмотрела на стоявшего рядом капитана. В его глазах, за прозрачным пластиком маски, светилось понимание.

– Спокойно, все будет хорошо.

Он погладил её по плечу. Чужое сознание окружило её, и она растворилась в нем.

* * *

– Почему ты считаешь, что я смогу?

– Я тебе уже объяснял! – Гронец сердился.

– Слышал я про твои чипы.

На самом деле землянин не очень верил в эти рассказы о вживленной в голову электронике. Хотя, черт его знает, может, и не врет – вон, по-русски чешет не хуже меня, а говорит, что не учил, мол, чип в башке сам переводит.

– Главное не это! Главное время! Если бы у меня было время, я бы вызвал отряд имперского спецназа, а не стал бы, как банда наемников, воровать аборигена, да еще с запретной планеты.

Гронец лукавил. Взвод спецназа вряд ли бы помог. Даже полномасштабное вторжение ничего не решало. Все могла решить хорошо подготовленная многоходовая операция разведки, но он был в жесточайшем цейтноте.

По своему статусу он мог задействовать почти любые ресурсы Имперского министерства, но все это было далеко. Здесь, на краю галактики, единственным его шансом оставался землянин Сергей.

– В данном конкретном случае я рад, что твоя планета оказалась рядом. В мою операцию ты вписываешься идеально. Ваша раса довольно хорошо известна в космосе.

– Я помню, помню. Стойкие оловянные солдатики. Безжалостные убийцы. Спасибо за лестные отзывы. Только почему, если мы вам так хорошо известны, мы о вас ни хрена, то есть ничего не знаем?

Сергей заметил, что ему почему-то неудобно материться в разговоре с инопланетянином.

– Хватит болтать. Продолжаем тренировку.

Имперский разведчик постарался замять скользкую тему.

Тогда, после побега, когда Глемас, заглушив все системы, висел в космосе, изображая,

что разведкатор – случайно уцелевший после гибели крейсера – мертв, он перебрал множество вариантов. Все было или слишком сложно, или слишком долго. Когда проводившие поиск истребители нападавших исчезли, он вылез из тяжелого скафандра высшей защиты и включил оборудование. Пока он согревался, компьютер выдал ему проекцию его местонахождения, и тут что-то забрезжило на самом краешке сознания. Что-то очень интересное он слышал про одну из планет, находящуюся в этом уголке космоса. Про «закрытую» планету.

Планеты для контакта закрывались очень редко. В основном это были умирающие миры, сами не желающие никаких контактов. Слишком долго они существовали и слишком многого достигли. Давно потеряв вкус к жизни, они агонизировали и, умирая, запросто могли утащить за собой любую современную цивилизацию. Поэтому ни Империя, ни Крамадонский Союз, ни даже Вольные Миры не рисковали соваться к звездным системам, перечеркнутым в лощах красным жирным крестом.

Глемас приказал вывести на голоэкран всю информацию о запретной планете. Оказалось немного. Раса гуманоидная, принадлежит к наиболее распространенному во вселенной типу. Первые контакты. Все обычно. Необычно, почему после нескольких десятков лет скрытых контактов, вдруг сделали запретной рядовую планету, с только начавшей свое развитие цивилизацией.

Объем данных бортового мозга был невелик. «Сейчас бы залезть в информаторий министерства», – помечтал Глемас. Сформировав задачу компьютеру, Гронберг стал ждать результаты. В этот раз он запросил любые сведения, хоть чуть-чуть затрагивающие темы, связанные с данной планетой. Через несколько секунд появились первые интересные факты. Все они касались не самой планеты, а аборигенов, её населяющих. Оказывается, первые же вывезенные с планеты экземпляры обрадовали ученых своим быстрым развитием.

Они легко вживались в современный мир. Легко усваивали любую информацию и частенько начинали обгонять своих учителей. Все шло к тому, что скоро в Великую Империю вольется еще один мир.

И вдруг прекращение всех контактов, а чуть позже запрет даже на посещения. Многочисленная гибель сотрудников контактных экспедиций была явно намного выше нормы, но не являлась критической. Значит, информация о подлинной причине была засекречена.

Стараясь хоть что-то понять, офицер начал просматривать психологический портрет землян. «Вот это намешано!» – он с удивлением покачал головой. Трудолюбивы – но лентяи, честны – но могут обмануть в любую минуту, любят воевать – но дезертируют с полей сражений, крепкая устойчивая психика, согласно любым тестам – но плачут как дети от какой-нибудь грустной истории, добры – но злопамятны и могут мстить всю жизнь, до невозможности свободолюбивы – но всю жизнь могут прожить в рабстве. Какая-то ерунда, не может же подобное вмещать одна личность. Отдельно было отмечено: властолюбивы – в своем стремлении к власти идут на все. Легко подчиняют своей воле окружающих.

Вот – это то, что он вспоминал. Знаменитый пират Кокер, кажется, так его звали – он был выходцем с этой планеты. Теперь Глемас точно вспомнил.

Однажды Рухас Даринг, сравнивая боевые качества солдат разных планет, почему-то сказал:

– Все наши бойцы, и армейские спецчасти Вольных Миров, и легионеры кармадонцев; все вместе не смогли бы устоять против армии, сформированной из соплеменников пирата

Кокера.

Вдаваться в подробности Даринг не стал, сказав только, что все данные есть в информатории. Тогда, заинтересовавшись, Глемас немного почитал об этом разбойнике.

Вывезенный с земли экспедицией Вольных Миров, он был ассимилирован и, пройдя тестирование, согласно данным тестов был направлен в армию. Там, проявив незаурядные способности, начал быстро двигаться вверх по служебной лестнице.

Не понятно, чего ему не хватало, но, будучи в должности командующего войсками одной из планет Вольных Миров, он поднял восстание и заявил об отделении планеты от конфедерации. Как он добился, что все армейские части и все мирные жители планеты, включая главу правительства планеты и представителя конфедерации, поддержали его, до сих пор непонятно.

Это произошло впервые в цивилизованной части галактики, и дабы примерно наказать восставших – в назидание всем остальным – к планете срочно был направлен мощный флот конфедерации. Но хитрый землянин проявил чудеса полководческого искусства и разбил наголову армию Вольных Миров, не подпустив её к планете.

Началась долгая позиционная война. Мятежную планету блокировали, но, как совершенно неожиданно оказалось, в обитаемых мирах многие желают помочь инсургентам.

Корабли бродяг и мелких торговцев, обходя, по одним им известным маршрутам, армейскую блокаду, везли мятежникам все необходимое. Восстание грозило перекинуться на другие планеты.

Забыв о собственных распрях, Вольные Миры, Империя и Кармадонский Союз, выставив громадную армаду, наконец задушили заразу. Самое страшное было в том, что даже когда десантники трехсторонних сил высадились на планету, жители продолжали сопротивляться, вместо того, чтобы цивилизованно сложить оружие.

Сам адмирал Кокер погиб в рукопашном бою, когда лично возглавил вылазку повстанцев, пытавшихся пробиться к частному горному космодрому, в надежде вывезти женщин и детей на корабле каких-то авантюристов, в суматохе боев пробравшихся на планету.

Неизвестно, чем закончилась та вылазка, но тело Кокера рядом со своей, никогда не разлучавшейся с ним, женой, родом из местной аристократии, было найдено на месте боя. Посмертно был проведен суд. Землянин был осужден, лишен всех наград и званий, а прах его был развеян в космосе, дабы стереть даже память о нем. Официальные каналы называли его теперь не иначе, как пират Кокер.

Проведенное после расследование показало, что многочисленные вывезенные аборигены уже успели добиться успеха во многих сферах деятельности и, как могли, помогали Кокеру. Гронец нюхом чуял, что данное расследование и было началом запрета официальных контактов.

Надев очки, Сергей раз за разом проходил виртуальными тоннелями, пробиваясь к месту заточения пленника. Все это было интересно и увлекательно, но он прекрасно знал, что в жизни так не бывает. Весь его солдатский опыт говорил, что все прекрасные планы прекрасны только до первого выстрела в реальном бою.

– Ты пойми, я хочу, чтобы ты просто научился ориентироваться в подземелье под городом. Я не могу утверждать, что там ничего не изменилось. Все видео было отснято несколько лет назад. Все средства наблюдения находились в то время там, где сегодня они

обозначены в виртуале. Кроме того, я добавил камер слежения и постов там, где их поставил бы я. Давай еще разок, потом идем обедать.

Кротов втянулся в напряженный ритм тренировок. Те же армейские будни, только сытная и вкусная еда и каждый день чистая постель. За прошедшие дни он свыкся с мыслью, что все случившееся не сон. Тогда, когда он впервые увидел звезды не вверху, а вокруг, он сразу поверил инопланетянину. Его объяснение было все-таки правдоподобнее того, что американцы прилетели за ним на своем «шаттле».

Вечерами, перед тем как провалиться в усталый, здоровый сон, он вспоминал свою земную жизнь. Щемило в груди и хотелось плакать. Неужели навсегда? Особенно хотелось увидеть младшего братишку. Несмотря на большую разницу в возрасте – больше десяти лет – у них всегда была какая-то обостренная связь между собой. «Нет, Глемас обещал, что после операции вернет меня на Землю», – успокаивал себя Сергей и засыпал.

Инопланетянин оказался неплохим мужиком. Немногословный, всегда подтянутый. Но, несмотря на подчеркнуто дружеское отношение, Сергей чувствовал, что этот офицер явно себе на уме. И рассказал он только то, что посчитал нужным. Кротов теперь знал, что они служили в похожих военных структурах; землянин – рядовым в разведзвезде, а гронец – командиром подобного подразделения. Принадлежность к одному роду войск и к одной военной специальности немного сблизила их. Как оказалось, и в этом фантастическом мире у разведки было то же назначение, что и на Земле – первой влезать во все дерьмо.

О том, как Глемас попал сюда, он рассказал в самых общих чертах. Гронберг получил назначение в новую часть и направлялся туда, когда на его корабль напали. Случайно на том же корабле летел какой-то полковник, по словам инопланетянина – ужасно важная шишка, из-за которого и началась вся войнушка. Враги победили, эту важную шишку захватили в плен, а корабль взорвали. Каким-то хитрым образом гронскому разведчику удалось смыться. Он выследил базу, где держат похищенного, и теперь ему нужна помощь, чтобы попасть туда и освободить полковника. Поскольку инопланетянин является офицером, он не может оставить захваченного в плену, так как этим навлечет на себя вечный позор.

Это Сергей понимал; это правильно – разведка своих не бросает. На вопросы об инопланетной обыкновенной жизни гронец отвечал скуп.

– Ты хочешь вернуться на Землю, поэтому многое я просто не могу тебе рассказывать. Есть такой закон!

Кротов немного обижался, но понимал, инопланетянин, наверное, прав. Кроме того, он ведь действительно спас Сергея. Вспоминая тот бой, который он тогда считал последним, и особенно пистолет у виска, землянин твердо решил; он сделает все, о чем просит гронец.

Единственное, чему тот согласился учить Кротова, это языку, обращению с инопланетным оружием и нравам и обычаям того места, где им придется действовать. С оружием больших проблем не возникало. Не вдаваясь в принцип действия, разведчик показал, как пользоваться игольником. Это что-то вроде «калашникова», для ближнего боя. Метров до четырехсот эффективен. Правда, калибр смутил, в точности оправдывает свое название.

– Не переживай, – усмехнулся Гронберг. – Убойность гораздо мощнее, чем у твоего автомата. И выстрелов почти тысяча.

Самое интересное – прицела нет! Тут инопланетянин объяснил, что оружие наводится само. Надо только направить его на цель, которую видишь сам, и тогда электроника в башке

и электроника в оружии начнут взаимодействовать. Все иглы уйдут туда, куда ты хочешь.

– Так что мне, без вашего прибора в голове придется целиться по стволу, – развеселился землянин.

– Я бы хотел надеяться, что тебе никогда не придется пользоваться этим оружием, – серьезно заметил гронец и продолжил рассказ.

У армейцев есть разные штуковины помощнее. Как понял Кротов, похоже на наши огнемёт и ПЗРК. С гранатами еще проще. Граната одна – универсальная. На ней разноцветные значки. Нажимаешь на один – осколочное действие, другой – кумулятивное, третий – светозвуковое и т. д. Удобно. Свою винтовку, трофейный автомат и «макаров» летчика Сергей тоже проверил и почистил.

С языком, Глемас называл его всеобщим, помогла электроника. Он надевал на голову Кротова шлем, в ушах начиналось неясное бормотание, а перед глазами мельтешили, сливаясь, яркие картинки. Через два сеанса Сергей, к своему удивлению, начал понимать тарабарщину, выдаваемую автоматикой. После третьего, он заговорил с имперским разведчиком на всеобщем.

Хитрым финтом Глемас ускользнул из-под удара Кротова. Кулак скользнул в сантиметре от скулы противника, а гронец уже держал возле почки, непонятно как очутившийся в руке, нож. Острый конец лезвия остановился в сантиметре от тела Сергея. У инопланетянина была отменная реакция. Сергей начинал атаку, обманывал противника мнимым ударом, тот ловился на обманку, но закончить победой никак не удавалось. В последний момент Глемас всегда успевал закрыться или уклониться. Было обидно. Сергей знал, что всегда побеждать невозможно, но не в этом случае. Он чувствовал, что противник хотя и опытный, и обучен какому-то необычному боевому искусству, но одолеть его можно. Если бы не эта дьявольская скорость реакции, прорезавшаяся в последний момент, когда наносился завершающий удар.

Землянин поражал Гронберга все больше. Мало того, что он уходил от отточенных ударов, поставленных знаменитыми мастерами, преподававшими боевые рукопашные виды борьбы в школе имперского министерства, уже несколько раз ему приходилось включать имплантат, чтобы увернуться от неожиданных ударов молодого солдата. Он даже не догадывался, что в настоящей схватке, когда организм подстегивался выбросом адреналина, Сергей становился еще быстрее.

Все шло по плану. Надо подучить землянина обращению с холодным оружием и можно начинать операцию.

Сергей с завистью смотрел на то, что творил гронский разведчик. Узкий прямой клинок просто ожил в его руках. Глемас показал демонстрационную связку атак и защит, а Кротову казалось, что серебристое тело офицерского боевого меча, ни на секунду не прерываясь, рисовало в воздухе бесконечную вязь смертельной стихотворной строки. Гронберг молодцевато отсалютовал и остановился. Он с видимым удовольствием оглядел застывшего, замороженного Сергея.

– Понравилось? Жалко, что меч стандартный. Вот если бы мой, да моего двоюродного брата сюда, ты увидел бы настоящий гронский бой!

– Да! Как здорово! Лейтенант, поучи меня.

– Боюсь, меч тебе не пригодится. Займемся лучше ножами.

– Как не пригодится? Ты же говоришь, что в рукопашной вы всегда используете мечи.

– До рукопашной сейчас доходит нечасто. Просто любой аристократ Империи должен владеть и мечом, и кинжалами. Ведь дуэли на мечах еще частенько решают спор.

– Дуэли?! Ну, вы даете! У нас это только при царе было, – Кротов смешался. – В смысле, давным-давно. Все равно, поучи! – Сергей не хотел признаваться, что он с детства мечтал фехтовать так же легко и красиво, как в кино про трех мушкетеров.

– Ладно, будет время, покажу кое-что. Хотя мы учимся с детства. А сейчас беремся за ножи.

В руке у имперца появился нож. Этот цирковой трюк, с взявшимся ниоткуда кинжалом, всегда интересовал землянина.

– Как это у тебя получается?

– У тебя не получится. Здесь работает то, что ты называешь электроникой. В ноже и в голове. – Он открыл ладонь, и нож, словно живой, скользнул обратно в раскрывшиеся на внутренней стороне запястья ножны. – Сам знаешь, не всегда есть возможность дотянуться до ножа.

Склонившись, гронец выдернул из ножен на голени левой ноги еще один кинжал, чуть длиннее первого.

– Мы работаем обычно двумя. Но есть приемы и для одного ножа. Сейчас мы их и отработаем.

– Может ты, все-таки, мне что-нибудь расскажешь о вашей жизни? – Сергей недавно вышел из крохотного, похожего на гроб, душа и пытался пятерней расчесать начинавшие отрастать волосы. За эти несколько дней он как будто привык к новой жизни, но часто ловил себя на мысли, что все это ненастоящее. Словно он стал персонажем фильма. Всё настоящее: война, горы, «духи», тушенка, портянки и постоянное ожидание выстрела, родные и друзья в Союзе – осталось где-то там – за бортом этого странного самолета. Все, что находилось здесь, было видимо и осязаемо, но не воспринималось мозгом как реальное. Организм защищался от такого мощного прилива неперевариваемой информации.

– Ты же сам говорил – чем меньше знаешь, тем крепче сон. – Глемас не упускал случая блеснуть знанием русского языка. Он упорно отказывался рассказывать о чем-нибудь, кроме предстоящей операции. – Уже за то, что я тебе рассказал, меня должны судить. Но раз мы договорились о твоём возвращении, большего тебе знать не надо. Меня спасает только то, что у вас никто тебе не поверит.

Лишь однажды, когда Кротов рассказывал о своей семье, гронец не удержался:

– У тебя брат, а у меня младшая сестренка.

Столько нежности было в его голосе, что сразу становилось ясно – она его любимица. В тот раз он немного открылся и рассказал о детстве на Гроне.

– Ты помещик?! – Для советского солдата это было такой же сказкой, как и ящеры в священном семейном озере.

– А как зовут сестренку?

– Снежа.

– Ух, ты! Почти по-нашему. У нас в детском садике была девочка Снежана.

Иногда Сергей думал, что нельзя упускать такой шанс – посмотреть на настоящую инопланетную жизнь. Миллионы людей мечтают об этом. Но условие, сразу поставленное Глемасом, – узнать все о той жизни, но остаться в ней навсегда, или узнать только то, что нужно для проведения операции, но вернуться домой, не давало ему выбора. Он не представлял, что больше никогда не увидит родных, не пройдет по улице родного поселка и вообще никогда не увидит ничего земного. К черту такую жизнь!

– Планета тебе понравится. Почти двойник Земли, только солнце не такое яркое. Температура всегда, как у вас летом. Жарко не бывает, холодно тоже. Атмосферный состав так же, не очень разнится с вашим. Нормальный кислородный мир. Сила тяжести меньше, чем на Земле, но это для тебя плюс, будешь сильнее, – рассказывая, Глемас включил проектор, и живой мир возник посередине каюты. Голограмма всегда завораживала Сергея. Казалось – протяни руку и коснешься живых людей.

– Я думаю, различные технические штучки тебя уже не очень удивят. На корабле ты, смотрю, обжился и не пугаешься кухмашины, – попробовал пошутить гронец. Там ты впервые встретишься с людьми и нелюдьми, которые не должны догадаться, кто ты такой. Действовать придется в одиночку, я, в силу некоторых причин, не могу работать на этой планете. Так что приглядывайся и задавай побольше вопросов. Сейчас на головизоре запись, но скоро мы сможем ловить сигнал с планеты. Увидишь много интересного.

Сергей как будто смотрел фантастическое кино. Но не более. Никак не мог избавиться от этого чувства. Не верилось, что все это по-настоящему, инопланетное. В той фантастике, которую читал в детстве, инопланетяне редко походили на людей. А тут и люди, и дома, и техника – все похоже на земное. Как будто просто в другой стране. Вот хоть здесь, что-то необычное. Обыкновенные люди в несколько необычной одежде, и вдруг среди них низенький, круглый леший – лохматый с круглыми, размером с кружку, глазами. Рот без губ, через все лицо. Как говорится, от уха до уха. Когда говорит, высвечивает такой набор зубов – похоже, не в один ряд. Единственно, хоть две руки, две ноги.

– Зардерец, – пояснил Глемас, заметив, кого разглядывает Кротов. – Опасен. Посмотри, как вооружен, очень любит оружие. Но и к безоружному лезть не советую. Зубы видишь?

Сергей кивнул. А гронец невольно передернулся, вспоминая, как зардерец из их группы захвата однажды на операции просто перекусил горло часовому.

– Кроме этого, несмотря на небольшой рост, гораздо сильнее человека. Бить надо сюда, под ухо, – Гронберг ткнул пальцем в голограмму. – Или как человеку – между ног.

Глянув еще раз на обвешенного оружием толстого карлика, Сергей переключился на других персонажей.

– Еще опасные типы, – Гронберг увеличил изображение другой группы. По улице шла толпа здоровенных, на голову выше всех, мужиков. «Почти люди», – отметил Кротов. Если зардерец был один в окружении людей, то эти здоровяки держались особняком. Они шли по улице, бесцеремонно расталкивая не успевших отойти людей. Толкнув зазевавшегося прохожего так, что он врезался в стену здания, они весело захохотали.

– Сампоро с планеты Сампо. В вольном переводе звучит примерно как великие герои из великих лесов. До сих пор не пойму, зачем кармадонцы их вытащили из этих лесов. Из них даже пушечное мясо не получается. Совсем не понимают дисциплину. Тупые и заносчивые бандиты. Распространяются по цивилизованному миру как зараза. Но работать никогда не будут.

– Да, ты расист, – засмеялся Кротов.

От людей сампоро отличались не только размером, но и цветом кожи – синей до черноты.

– Наверно, называете синьками?

– Синюками, – машинально поправил Гронберг. – А ты откуда знаешь?

– Догадался.

Синелицы были одеты вызывающе ярко, кто во что горазд. Оружие было тоже разнокалиберное, но у всех на поясе висели тесаки в разрисованных ножнах.

– Есть еще куча разных инопланетников, некоторые весьма колоритные, но на этой планете напрямую опасны два этих вида. Запомни самое главное: опасней всех такие, как ты и я! То есть – люди!

– До этого я и сам допер.

– Молодец. Вот голокарта города, давай походим, проверим, как ты ориентируешься, а потом еще поработаешь с ножами.

* * *

Срочно, срочно, срочно... коммуникатор, нанесенный на ладонь левой руки, пощипывал и мигал желтым. Хотя и не высшая срочность, но лучше все равно не опаздывать. Сенер Драйзер, глава корпорации «Навигационные системы», был руководителем старой закалки. Он любил устраивать разнос подчиненным, не используя средства связи, а глядя в лицо. Персональный лифт доставил Кразима Нейка – руководителя силового отделения корпорации, до сих пор скромно именуемого службой внутренней безопасности, прямо в главную башню комплекса небоскребов Управления. Как и служба, так и сама корпорация давно пережила свое название. Сейчас она если и производила навигационные системы, то лишь для того, чтобы установить их на производимые на собственных верфях военные и гражданские корабли всех классов. Космические суда с клеймом в виде изготовившейся к атаке бронированной змейки на всем оборудовании, от корпусов до унитазов, состояли в штате военных и гражданских флотов всех трех главных союзов цивилизованного мира.

Эта торгово-производственная империя обзавелась собственным военным флотом. В его составе были только корабли новейших серий, которые не успели поступить даже в войска Империи. Наемники, служившие на них, получали жалованье вдвое выше армейских. При таких условиях штат можно было формировать из самых лучших.

Кразим, под чьим руководством этот отдел фирмы расцвел особо мощно, не был профессиональным военным. Он вышел из недр самого знаменитого министерства Империи. Никто не знал, за что его лишили всех званий и вышибли из имперской разведки. Драйзер, у которого был талант разглядеть в человеке скрытые возможности, подобрал его и пригласил в свою команду. Все это было уже очень давно. Сейчас Нейк считался вторым человеком в корпорации.

– Кразим.

Он напрягся, неофициальное обращение не сулило ничего хорошего.

– Что ты можешь рассказать о Деге?

– Ничего.

По опыту силовик знал – лучше не врать.

– Плохо. Почему я знаю, а человек, от которого я должен был об этом узнать – нет? – тщательно выговаривая слова, глава фирмы наконец развернулся в кресле и посмотрел на Нейка. Тот спокойно выдержал взгляд холодных серых глаз начальника и продолжал молчать. Надо сначала хотя бы узнать, что это за Дега, а потом выбирать вариант ответа.

– В системе звезды Дега нашли черный корабль. Похоже, не разрушенный.

– Что за черный корабль? – Кразим на мгновение задумался и сообразил: – Откуда

информация?

– Остались у меня кое-какие связи, – довольно заулыбался Драйзер. – А то на твой отдел большой надежды нет.

Неповрежденный черный корабль – это большой куш. Технологии предтеч намного превосходили все, что могли предложить цивилизованные миры. Не обращая внимания на подкусывания шефа, силовик сразу перешел к делу:

– Наши действия?

– Насколько мне известно, никто еще ничего не знает. Ты должен сделать так, чтобы корабль со всем содержимым стал нашим.

– Применяем силу?

– На твое усмотрение. Подробности меня не интересуют.

– Здесь все, что я знаю, – Драйзер указал пальцем на лежавшую на столе упаковку с одноразовой пленочкой для коммуникатора. Уже отворачиваясь, он добавил: – Думаю, это в последний раз, когда я узнаю что-то не от тебя.

Присев на кресло в лифте, Нейк достал пленку и наклеил на кожу над коммуникатором. Пленка мгновенно впиталась, не оставив никакого следа. Коснувшись пальцем ладони, он включил запись. Над ладонью поднялась маленькая голограмма. Драйзер блефовал, сказав о своих связях – это была автоматическая запись с произведенного на верфях корпорации спасательного бота. Когда-то именно Кразим предложил установить эту функцию на всю технику, продаваемую заказчикам. Записи, снятые камерами кораблей, сжатым сигналом, через равные промежутки времени, автоматически отправлялись на фирму. Здесь компьютеры отсеивали их, выбирая нужное.

Результатом посещения главы корпорации главой силового ведомства стал старт десантного транспортника с истребителями прикрытия и другими приданными судами на борту.

Увидев цель, предназначенную для атаки и захвата, командир ударной группы допустил явный промах. Слишком уж ничтожна была торговая баржа против десантного транспортника, набитого техникой и наемниками. Не слушая предостережений «яйцеголовых» из научного крыла корпорации, для которых на корабле пришлось выделить несколько кают, командующий приказал лишь выбросить орбитальную группировку спутников для подавления связи и произвел посадку транспортника прямо на ледяное плато, невдалеке от «Звезды Зорна». Поэтому сначала группа захвата, а к концу дня и весь экипаж во главе с командующим, все десантники и ученые дружно уверовали в приход Совершенного. Неожиданная колония на Тарне увеличивалась и укреплялась, грозя всему сложившемуся мировому порядку. Но в обитаемом космосе никто об этом пока не догадывался.

* * *

Алгала, запертая в камере, с каждым днем все больше теряла надежду. Та утекала подобно маленькому ручейку. Но чем меньше она надеялась на спасение, тем выше поднимался её подбородок. Чего-чего, а гордости принцессе было не занимать. Похитители ничего не объясняли и ничего не требовали.

Три раза в день шелестели электронные замки, дверь с тихим свистом отъезжала в

сторону, и невысокая, похожая на мальчишку, женщина приносила пищу – стандартный набор концентратов на унылом армейском одноразовом подносе. Она не отвечала на вопросы, скользя по заключенной равнодушным взглядом.

Сначала принцесса пробовала заговорить с ней, а теперь уже просто молча ждала, когда та выйдет. Иногда арестованной казалось, что она разучилась разговаривать.

Вспоминая тот бой, Алгала больше не сомневалась, что охотились именно за ней. Нападение произошло в районе, где безраздельно хозяйничали космические силы Империи. То есть там, где его никто не ожидал. Воспользовавшись фактором внезапности, нападавшие подавили противокорабельную защиту крейсера. Потом почти в упор расстреляли двигательные дюзы, обездвижив корабль. С ходу, под прикрытием истребителей, высадился десант и, легко преодолевая слабое сопротивление деморализованной команды, напрямик рванул к каюте Алгалы.

Самое серьезное сопротивление нападавшие встретили в каюте принцессы. Девушка-ординарец не зря была украшена таким количеством наград. Забаррикадив дверь, ведущую в каюту из коридора, они с принцессой успели одеть бронекастюмы. Захлопнув щитки шлемов, заняли позиции в дверных проемах своих комнат, выходящих в холл. Направив стволы лучевиков на вход, они молча ждали. Когда дверь слетела от вскрывающего взрыва, внутрь влетели сразу несколько гранат – светозвуковых и с парализующим газом. Бронекастюмы справились и с тем и с другим. Поэтому, когда враги парами стали врываться в коридор, их встретил шквал огня.

Девушки отстреливались до полной разрядки батарей бластеров. Когда индикатор на накопителе бластера загорелся красным, спецназовка отбросила бесполезное оружие и крикнула Алгале:

– Ну, что принцесса, покажем им, как умирает спецназ империи!

Сорвав со стены наградной палаш, она выпрыгнула в холл. С ревом разъяренной фурии девушка врубилась в авангард ворвавшихся врагов.

– Покажем!

Наследница выдернула из ножен бронекастюма два алгатских узких кинжала и, раскручивая перед собой смертельную карусель, кинулась за ней. Но ей вступить в рукопашную не позволили. Когда она вырвалась в коридор, десантники расступились, и самозатягивающаяся сеть, вылетевшая из трубы на плече наемника, накрыла её.

Потом, когда Алгалу, словно куклу, выносил на плече здоровенный солдат, она увидела в коридоре обгоревшее изувеченное тело боевой подруги. Живой нужна была только наследница великого престола. Покидая борт, десантники добивали всех, встречавшихся по дороге. Когда десантные корабли отстыковались и отошли на безопасное расстояние, корабль-матка направил ядерную торпеду в зону реактора крейсера, и в космосе на краткий миг вспыхнула новая звезда.

Зажужжал привод, и двери, посвистывая, уехали в стену. В открывшемся проеме стояли трое. Неизменная невысокая женщина с потухшими глазами и двое в камуфлированной форме военного образца. Хотя на форме отсутствовали знаки различия, с первого взгляда было ясно – эти двое прослужили не один год. Окинув быстрым оценивающим взглядом узницу и небогатое убранство казенного жилища, они с подчеркнуто равнодушным видом застыли двумя манекенами в разных углах камеры. Женщина так и осталась стоять у дверей. Ждали кого-то еще. «Кто же почтил меня своим присутствием?» – принцесса, известная

своим демократизмом, на этот раз намеренно не поднялась с прикрученного к полу металлического стула.

– Как же так? Как же так? – Из коридора в камеру вплыл кругленький пожилой мужчина. Световой потолок отражался в громадной блестящей лысине. Светло-бежевая туника живописными складками лежала на его фигуре, подчеркивая выпирающее брюшко. Круглый массивный нос, пухлые улыбающиеся губы, веселые морщинки вокруг глаз – от крепкого старичка так и веяло добродушием. Маленькие блестящие глазки лучились весельем. Только на миг они резанули ледяным оценивающим холодом, но тут же вновь потеплели. Алгала даже подумала, что это ей показалось.

– Почему всегда так получается? Стоит только отвернуться, тут обязательно натворят таких дел, что стыда не оберешься! – голос зазвучал совсем участливо. – Принцесса Алгала Аллювиель Блиц Голиконе! Сама наследница великого императора! Здесь, на нашей забытой всеми планете! – казалось, от восторга толстячок сейчас запрыгает. – Кто посмел поселить великую гостью здесь, в этой келье? Это ведь только нам, бедным Верным монахам, пристало жить в таких условиях.

– С каких это пор гостей стали приглашать таким оригинальным образом? – голосом, от которого можно было замерзнуть, принцесса прервала восторженную тираду старичка.

– Так пригласи мы вас обычным способом, разве почтила бы нас, сырых слуг Совершенного, сама принцесса Алгатская?

Вошедшего нисколько не смутил тон наследницы.

– Дался вам этот титул! Вы зря погубили столько людей! Все прекрасно знают, что я не имею никакого влияния при дворе. Не настолько у нас близкое родство. Про принцип Империи – никогда не идти на поводу у преступников, вы тоже знаете. Так что и выкупать меня не будут. А вот флот, чтобы наказать виновных, обязательно пришлют!

– Ой, как же нам страшно, – засмеялся толстяк и резко оборвал смех. – Ну, а теперь серьезно, – в его голосе прорезались металлические нотки. – Меня зовут Маттиас, мастер Маттиас. Некоторые еще добавляют слово Великий. С этого момента и вы будете называть меня мастер Маттиас. И побольше почтительности.

[Купить полную версию книги](#)